

ПОЛИТИКА.

Январь 1862.

РОЛЬ ПАЛЬМЕРСТОНА ВЪ ДѢЛѢ О ВЫДАЧѢ АРЕСТОВАННЫХЪ ЭМИССАРОВЪ ЮЖНЫХЪ ШТАТОВЪ. — НЕИЗБѢЖНОЕ ПАДЕНІЕ ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫХЪ ПЛАНТАЦІЙ ВЪ ЮЖНЫХЪ ШТАТАХЪ. — ЖЕЛАНІЕ ПАЛЬМЕРСТОНА ПРИСКАТЬ НОВЫЙ ПРЕДЛОГЪ ДЛЯ ВОЙНЫ СЪ СѢВЕРНЫМИ ШТАТАМИ. — ОТНОШЕНІЯ УМѢРЕННОЙ ПАРТІИ И АБОЛИЦІОНІСТОВЪ ВЪ СѢВЕРНЫХЪ ШТАТАХЪ. — ПОЛОЖЕНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЛЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. — МЕХИКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ. — АВСТРІЙСКІЕ ФИНАНСЫ. — НЕОСНОВАТЕЛЬНОСТЬ ЛИБЕРАЛОВЪ, НОРИЦАЮЩИХЪ АВСТРІЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗА ДЕФИЦИТЪ. — ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА.

Мы не находили ничего важнаго въ шумѣ, поднятомъ газетами по случаю арестованія двухъ эмиссаровъ Южныхъ Штатовъ на англійскомъ пароходѣ капитаномъ военнаго парохода Сѣверныхъ Штатовъ. Оно и точно: войны изъ этого дѣла не вышло. Но если оно оказалось пустымъ съ той стороны, о которой шумѣли публицисты и маловажность которой мы доказывали, то явилось оно очень замѣчательнымъ съ другихъ сторонъ, обнаружившихся въ немъ уже послѣ его развязки.

Пока дѣло тянулось, дипломатическіе акты, относящіеся къ нему, хранились по заведенному порядку въ секретѣ. Не зная депешъ американскаго правительства, Англія и вся Европа воображали, что англійскому правительству необходимо было употребить самыя крайнія угрозы, поддерживаемыя самыми быстрыми энергическими мѣрами, для принужденія вашингтонскаго кабинета загладить обиду, нанесенную англійскому флагу. Всѣ находили очень благо-разумнымъ то, что лордъ Пальмерстонъ, не теряя ни минуты, сталъ посылать войска въ Канаду и эскадру за эскадрой къ сѣверо-американскимъ берегамъ. Газета, служащая органомъ лорда Пальмерстона, до послѣдней минуты утверждала, что вашингтонскій кабинетъ упрямъ противится требованіямъ Англіи, что надежда на мирную развязку очень слаба, и даже эта слабая надежда основывается только на томъ, что Сѣверные Штаты будутъ запуганы быстрыми приготовленіями Англіи къ войнѣ. Что же открывается?—Какъ только пришло въ Лондонъ извѣстіе объ арестѣ эмиссаровъ Южныхъ Штатовъ, американскій

посланникъ сказалъ Пальмерстону и Роттелю, что, сколько онъ можетъ угадывать намѣренія вашингтонскаго правительства, случай этотъ не поведетъ къ непріятностямъ. Не смотря на то, Пальмерстонъ прямо началъ грозить войною, какъ будто предполагалъ, что Линкольнъ и Сьюардъ не имѣютъ никакой готовности дружески покончить дѣло. Но гораздо раньше, чѣмъ пришла въ Вашингтонъ его грозная депеша, была уже послана оттуда въ Англію отъ Сьюарда депеша, отпавшая всякую возможность ждать непріятной развязки. Дѣло въ томъ, что, какъ только получено было въ Вашингтонѣ извѣстіе объ арестѣ эмиссаровъ, кабинетъ Линкольна рѣшилъ смотрѣть на этотъ случай тѣми же самыми глазами, какими взглянули на него англичане. Американское правительство всегда защищало неприкосновенность нейтральнаго флага противъ англійскаго правительства, поступавшаго съ нейтральными кораблями точно такъ, какъ американскій капитанъ поступилъ съ пароходомъ, который везъ эмиссаровъ. Поэтому вашингтонскій кабинетъ отступился бы отъ собственнаго принципа, если бы отказался признать неправильнымъ поступокъ своего капитана. Такимъ образомъ Сьюардъ тотчасъ же отправилъ къ американскому посланнику въ Лондонъ депешу, говорившую, что вашингтонское правительство готово удовлетворить всѣ претензіи Англіи по случаю неправильнаго ареста эмиссаровъ и ждетъ только того, какія требованія представитъ Англія, чтобы исполнить ихъ. Пароходъ, который везъ эту депешу въ Англію, уже приближался къ Европѣ, когда отправился въ Америку пароходъ съ угрожающею депешою Пальмерстона. Слухъ о полученіи изъ Америки депеши, отклонившей всякую возможность вражды, распространился въ Лондонѣ. Но Morning Post, служащій органомъ лорду Пальмерстону, успѣвши объявить, что нельзя ждать мирной развязки. Англійскія войска и военные корабли продолжали отправляться къ американскимъ берегамъ. Но изъ Америки шли слухи о невозможности полной развязки, кромѣ мирной; извѣстія о дружеской депешѣ подтверждались. Газета, служащая органомъ лорда Пальмерстона, объявила, что англійское правительство не получало отъ американскаго никакой депеши подобнаго содержанія. Теперь, когда она обнародована, такое обманчивое отрицаніе показалось англійской публикѣ слишкомъ дурнымъ коварствомъ, и почти всѣ газеты потребовали у Morning Post объясненія. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ чрезъ свою газету, что миролюбивая депеша не была получена англійскими министрами, то есть не была оставлена у нихъ въ копіи американскимъ посланникомъ, а что онъ только прочелъ имъ ее. Такимъ образомъ, по формальному смыслу словъ, газета Пальмерстона осталась права; но относительно сущности дѣла слишкомъ ясно обнаружилось, что Пальмерстонъ, желая раздражать въ англичанахъ расположеніе къ войнѣ съ Америкою, преднамѣренно вводилъ ихъ въ ошибку объявленіемъ, опровергавшимъ справедливый слухъ о миролюбивыхъ намѣреніяхъ вашингтонскаго кабинета. Желаніе устроить войну съ Америкою доходило въ Пальмерстонѣ до того, что онъ повторялъ эту фальшь даже и въ такое время, когда она была уже слишкомъ нелѣпа. Угрожающая депеша его очень затруднила вашингтонскому кабинету исполненіе желаній, на которыя уже заранѣе соглашалось вашингтонское правительство. Оно ждало только, чтобы Англія выразила желаніе обратной выдачи захваченныхъ эмиссаровъ. Но желаніе было высказано такимъ повелительнымъ тономъ и сопровождалось такими угрожающими

демонстраціями, что исполнить его теперь значило подать слишкомъ сильный поводъ къ истолкованію, оскорбительному для самолюбія Сѣверныхъ Штатовъ: ихъ правительство выдало англичанамъ захваченныхъ эмиссаровъ не потому, что находило справедливымъ это требованіе Англіи, а потому, что испугалось ея угрозъ. Линкольнъ и Сьюардъ не отступили однакожь отъ своего прежняго рѣшенія и объявили англійскому посланнику въ Вашингтонѣ, что они просятъ его назначить время и мѣсто для передачи плѣнниковъ въ его руки. Почтовый пароходъ, съ которымъ было отправлено извѣстіе о такой развязкѣ дѣла, прибылъ въ Ирландскую гавань Квинстонъ и отправилъ въ Лондонъ телеграммы. Нѣкоторые изъ нихъ были адресованы къ банкирамъ, сообщившимъ ихъ биржѣ, и газеты напечатали, что дѣло совершенно улажено. Пальмерстонъ отличился и тутъ. Почта изъ Квинстона въ Лондонъ идетъ часовъ 16 или 18. Пальмерстонъ воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобы объявить въ Morning Post, что правительство не получало никакихъ официальныхъ извѣстій о дружескомъ окончаніи переговоровъ, о которомъ газеты говорятъ по биржевымъ слухамъ. Лондонъ снова встревожился. Къ чему могла послужить эта вторая продѣлка? Вѣдь Пальмерстонъ зналъ, что на другой день надобно будетъ признаться ему въ неудачѣ военныхъ замысловъ на этотъ разъ.

Англійская публика была раздражена этимъ двойнымъ обманомъ. Видно, что сердились на Пальмерстона и нѣкоторые изъ его товарищей по министерству, особенно лордъ Россель, органъ котораго Daily News съ особенною точностію обнаруживалъ фальшивыя манёвры Morning Post. Нѣкоторыя газеты предсказывали отпаденіе довольно значительнаго числа отъ депутатовъ лорда Пальмерстона, который и безъ того располагаетъ въ палатѣ общинъ только большинствомъ, очень слабымъ. Дѣло еще не дошло до такого разрыва; но то вѣрно, что Пальмерстонъ сильно повредилъ себѣ извѣстнымъ коварствомъ. Впрочемъ онъ такой изворотливый человѣкъ, такъ умѣетъ подлаживаться подъ всѣ капризы публики, что скоро съумѣетъ возстановить свою популярность. На что уже хуже было той бѣды, которую въ 1858 г. послѣ орсиніевскаго дѣла навлекъ онъ на себя трусостью передъ угрозами императора французовъ, требовавшего, чтобы удалены были изъ Англіи враждебные ему эмигранты. Что же, — черезъ годъ Пальмерстонъ опять былъ первымъ министромъ и популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи.

Въ нынѣшній разъ онъ сдѣлалъ свои неудачные манёвры также по вліянію парижскаго кабинета. Мы уже говорили въ прошлый разъ, что французское правительство желало вовлечь Англію въ войну съ Америкой, чтобы получить болѣе простора въ распоряженіи европейскими дѣлами. Французскія полуофициальныя газеты громче англійскихъ кричали о необходимости омыть кровью обиду, нанесенную англійскому флагу. Съ такимъ же усердіемъ доказываютъ онѣ, что Англія не можетъ допускать продолженіе блокады портовъ въ Южныхъ Штатахъ и должна начать войну, чтобы открыть подвозъ хлопка, безъ котораго нечего будетъ дѣлать и быть работникамъ манчестерскихъ фабрикъ. Въ этомъ случаѣ многіе хлопчатобумажные фабриканты въ самой Англіи сначала раздѣляли мысль французскаго правительства, и Пальмерстонъ хотѣлъ угодить имъ еще болѣе, чѣмъ императору французовъ, когда старался устроить войну изъ простаго дѣла объ арестѣ эмиссаровъ.

Вопросъ о хлопкѣ дѣйствительно очень важенъ для Англіи. Нынѣшній запасъ хлопка въ ливерпульскихъ кладовыхъ еще равняется обыкновенному количеству запаса въ это время года. Но цѣна хлопка уже поднялась въ полтора раза, и если не будетъ новаго усиленаго подвоза, къ веснѣ поднимется она еще вдвое, а къ юлю мѣсяцу весь прежній запасъ истощится. Легко было бы пособить дѣлу, позаботившись съ прошлой весны объ увеличеніи привоза хлопка въ Англію изъ Остѣ-Индіи. Хлопчатая бумага уже воздѣлывается тамъ на огромныхъ пространствахъ; населеніе готово увеличить свои плантаціи до всякаго размѣра, лишь бы имѣть сбытъ. Годъ тому назадъ, англичане очень много говорили о томъ, что замѣнять американскій хлопокъ остѣ-индскимъ. Въ надеждѣ на это было уже и отправлено изъ Индіи количество хлопка, гораздо большее обыкновеннаго. Но весь этотъ планъ на первый разъ рушился сплюю пристрастія манчестерскихъ фабрикантовъ къ американскимъ сортамъ хлопка. Не смотря на недостатокъ въ нихъ, сбытъ остѣ-индекаго хлопка въ Англіи не увеличивался, отпускъ изъ Индіи снова ослабѣлъ, и плантаціи у индійцевъ остались пока еще не расширившимися. Дѣйствительно ли Остѣ-Индія не можетъ производить такихъ высокихъ сортовъ хлопка, какъ лучшіе изъ американскихъ, — этого мы не знаемъ. Но самъ по себѣ остѣ-индскій хлопокъ довольно хорошъ, въ этомъ согласны всѣ, и англійскія хлопчатобумажныя фабрики могли бы пользоваться имъ. Всему помѣшала только рутинная, которая повсюду очень упряма и не допускаетъ ничего новаго иначе, какъ вслѣдствіе крайней необходимости. Почувствовавъ недостатокъ матеріала, хлопчатобумажная фабрикація въ Англіи разстроилась, и вотъ какими черными красками изображаетъ ея положеніе Times:

«Съ промышленной точки зрѣнія графство Ланкастерское составляетъ какъ будто провинцію Соединенныхъ Штатовъ. Въ Южной Америкѣ жгутъ и топятъ хлопокъ или оставляютъ его на поляхъ необраннымъ, а Манчестеръ несетъ свою долю этого бѣдствія. Много тысячъ людей въ немъ остались вовсе безъ работы, у другихъ работы лишь на столько, чтобы не совсѣмъ стояли безъ дѣла машины и могли сами они кое-какъ таскать ноги. Фабриканты собираются въ лондонскихъ клубахъ и объявляютъ, что заперли свои фабрики. Будущее мрачно, и если Сѣверные Штаты будутъ продолжать войну съ Южными, дѣло станетъ еще гораздо хуже. Не Южная Каролина, а Ланкастерское графство подвергается блокадѣ, потому что не тамъ, а здѣсь чувствуется вредъ ея. Камни, которыми завалена чарльстонская гавань, испортили не ее, а ливерпульскую гавань».

Но что же дѣлать?—продолжаетъ Times: начинать ли войну для прекращенія блокады? Этого хотятъ многіе; Times еще не рѣшается поддерживать ихъ желанія. «Подождемъ», говоритъ онъ.—Въ самомъ дѣлѣ начинать войну съ Сѣверными Штатами для полученія хлопка изъ Южныхъ было бы самымъ нелѣпымъ безразсудствомъ. Не дурно объясняетъ это *Revue des deux Mondes*. Мы такъ рѣдко чувствуемъ возможность соглашаться съ этимъ достославнымъ журналомъ, вообще отличающимся самою пошлою непонятливостью, что нѣсколько странно было намъ встрѣтить въ немъ правильное сужденіе объ этомъ дѣлѣ. Статья *Revue des deux Mondes* еще сильнѣй Times'a говоритъ о тяжелыхъ послѣдствіяхъ отъ недостатка хлопка въ Англіи:

«Органы общественного мнѣнія въ Англіи очень сильно стараются изъ самолюбія скрыть національное бѣдствіе или по крайней мѣрѣ уменьшить его размѣръ. Они лишь слегка говорятъ о томъ, какъ увеличился пауперизмъ въ послѣдніе мѣсяцы, и очень трудно собирать свѣдѣнія объ этомъ. А все-таки обнаруживаются грустные факты, и статистическіе отчеты даютъ намъ догадываться о великости бѣдствія. Напримѣръ, уже въ началѣ ноября прошлаго года изъ 842 бумагопрядильныхъ машинъ въ манчестерскомъ округѣ только 205 работали безостановочно; 408 работали только по 5 дней, по 4, по 3 дня въ недѣлю; а 49 машинъ стояли совершенно безъ работы. Изъ 172,257 работниковъ, находившихся на этихъ заведеніяхъ, только третья часть продолжала получать полную плату; другая третья часть имѣла работу только по 4 дня въ недѣлю; около 30,000, т. е. шестая часть работниковъ, были заняты только по 3 дня въ недѣлю, а 8 тысячъ оставались совершенно безъ работы. Съ той поры закрыто еще много фабрикъ, а другія еще уменьшили свое производство, такъ что теперь (въ началѣ января) работа хлопчатобумажныхъ фабрикъ уменьшилась по крайней мѣрѣ на половину противъ обыкновеннаго. Сообразно тому уменьшилась и сумма платы, получаемой работниками; обыкновенно простирается она до 24 милл. франковъ въ мѣсяцъ, а теперь понизилась до 12 милл.».

Многіе думаютъ, что если европейскія морскія державы заключатъ союзъ съ Южными Штатами и доставятъ имъ побѣду, это тяжелое положеніе англійской хлопчатобумажной промышленности прекратится. *Revue des deux Mondes* опровергаетъ такую мысль. Предположимъ, говоритъ этотъ журналъ, — «предположимъ случай самый благопріятный для Южныхъ Штатовъ, что они выйдутъ изъ войны побѣдоносными, могущественными, защищенными отъ Сѣвера цѣпью таможенъ и фортификаціи, могущественнымъ флотомъ и дружбою Англіи; не смотря на свое торжество, плантаторы не будутъ въ состояніи такъ много, какъ прежде, заниматься воздѣлываніемъ хлопчатой бумаги и перестанутъ быть главными поставщиками ея для Англіи. Монополія этой поставки была получена Южными Штатами Сѣверной Америки потому, что они могли продавать тюкъ хлопчатой бумаги дешевле другихъ производителей другихъ странъ, воздѣлывающихъ хлопокъ. Но если хлопокъ станетъ обходиться дороже прежняго самымъ американцамъ, то по необходимости возрастетъ и продажная цѣна его, и американскіе плантаторы потеряютъ прежнюю выгоду соперничества на европейскихъ рынкахъ. А стоимость воздѣлыванія хлопка въ Америкѣ неизбежно возрастетъ вслѣдствіе войны. Война обременитъ производство хлопчатой бумаги добавочными издержками, отъ которыхъ оно сдѣлается убыточнымъ. Уже и до войны американскіи плантаторы получали съ тюка хлопка лишь незначительную выгоду, а послѣ войны, какъ бы ни былъ успѣшенъ для него конецъ ея, расходы его чрезвычайно увеличатся. Если даже предположить, что негры останутся покорны попрежнему, что не нужно будетъ новыхъ издержекъ на надзоръ за ними и на ихъ наказаніе, то все-таки увеличатся расходы на ихъ прокормленіе, одежду, снабженіе ихъ орудіями труда и другими фабричными издѣліями, которыя получались прежде изъ Сѣверныхъ Штатовъ совершенно свободно, а по отдѣленіи Южныхъ Штатовъ должны будутъ оплачиваться таможенными пошлинами. Кромѣ того плантаторы, составивъ отдѣльное государство, должны

будутъ содержать армію, флотъ и государственную администрацію. Имъ понадобится строить зданія для правительства, платить проценты государственнаго долга, дѣлать въ мирное время расходы на приготовленіе къ наступательнымъ или оборонительнымъ войнамъ. Къ какимъ налогамъ могутъ прибѣгнуть они для покрытія этихъ расходовъ? Будучи народомъ по преимуществу земледѣльческимъ, будучи принуждены получать изъ Франціи, Англіи, Канады всѣ мануфактурные товары,—они должны будутъ открыть свои гавани свободному ввозу товаровъ съ очень легкими пошлинами. Слѣдовательно и въ мирное время придется имъ покрывать, какъ стараются они въ военное время покрывать свои расходы налогами на земледѣльческій продуктъ. Своимъ бюджетомъ они должны будутъ истощать источники своихъ доходовъ. Мало того, что налоги обременяютъ американскій хлопокъ и затрудняютъ ему соперничество съ иностраннымъ продуктомъ,—самая перевозка хлопка станетъ гораздо дороже. Въ другихъ хлопчатобумажныхъ странахъ, особенно въ Гиндустанѣ, пути сообщенія быстро улучшаются, а въ Южныхъ Штатахъ большая часть существующихъ дорогъ будетъ покинута за недостаткомъ локомотивовъ или за порчею рельсовъ. Шоссе и простыя дороги останутся перекопаны рвами и испорчены, мосты и дебаркадеры будутъ разрушаться; магазины обратятся въ казармы во время войны; на поправку и содержаніе всѣхъ этихъ сооруженій налогъ будетъ взиматься съ хлопка. Наконецъ великимъ, непреодолимымъ затрудненіемъ успѣшному воздѣлыванію бумаги въ Южныхъ Штатахъ то самое рабство, которое доселѣ казалось причиною быстрого его расширенія. Нравственные законы неизмѣнно мстятъ за свое нарушеніе, кто бы ни нарушилъ ихъ, отдѣльный ли человекъ или цѣлый народъ. Мы и теперь имѣемъ право спросить, не отъ рабства ли происходитъ нынѣшнее бѣдствіе Американскихъ Штатовъ,—не оттого ли, что одни изъ нихъ имѣли невольниковъ, а другіе допускали это. Слишкомъ слабыя для мести, невольники не возстали на своихъ владѣльцевъ, но сами владѣльцы съ ужасающимъ хладнокровіемъ губятъ теперь себя. Подвергая свою страну военному вторженію, оставляя невоздѣланными свои поля, они изъ глубокаго мпра ринулись въ ужасный рискъ междоусобія. Если ихъ дѣло, то есть дѣло рабства, на время восторжествуетъ, если посрамлена будетъ совѣсть рода человеческого, то гибель ихъ только замедлится, а не отвратится: они безвозвратно обречены на нее сущностью своего дѣла. Для воздѣлыванія хлопка плантаторамъ нужна огромная территорія. Они безпощадно истощаютъ землю, на которой останавливаются, какъ истощаютъ безжалостною работою силы негровъ. Истощивъ землю, они бросаютъ ее и переносятъ плантацію на другое мѣсто, пока вся страна становится безплодною. Вотъ причина, по которой столь многіе плантаторы Виргиніи, Мериланда и Кентукки перестали воздѣлывать землю, занявшись выкармливаніемъ невольниковъ для южныхъ рынковъ. Тѣ рабовладельцы, которые не хотѣли покидать занятій сельскимъ хозяйствомъ, должны были переселяться на новыя земли. Сначала довольно было имъ земли по атлантическому побережью, потомъ перешли они за Аппалачскія горы; купили Луизиану и Флориду; вторглись въ великолѣпную долину Миссиссиппи. Они обратили всю силу Соединенныхъ Штатовъ на завоеваніе Техаса и отняли у Мексики обширную территорію. Они нападали на Кубу, хотя Куба принадлежитъ такимъ же рабовладельцамъ, какъ они сами, и отправляли шпротовъ въ

Гондурасъ и Никарагуу. Захватывая земли на югъ и западъ, они старались захватывать земли и на сѣверѣ. Они получили отъ конгресса дозволеніе распространить невольничество въ Канзасъ и Небраску (къ счастью, это разрѣшеніе оказалось напрасно). Они получили отъ верховнаго суда власть надъ вѣмъ Сѣверомъ, когда рѣшено было, что въ свободныхъ штатахъ невольникъ точно также остается собственностью владѣльца, какъ и въ невольническихъ штатахъ. Теперь положеніе измѣняется. Выдача бѣглыхъ невольниковъ еще не отмѣнена официально, но невольническая конфедерація имѣетъ границу. Она стала тѣснѣе прежней. Каковъ бы ни былъ пеходъ войны, несомнѣнно то, что останутся соединены съ Сѣверомъ страны, въ которыхъ огромное большинство населенія—свободные люди: Мериландъ, Делаваръ, Колумбія, Западная Виргинія, значительная часть Миссури и Кентукки. Эта территорія, превосходящая своею величиною Францію, потеряна для невольничества. Плантадоры, ограниченные пространствомъ, меньшимъ прежняго, уже не могутъ замѣнять истощенныхъ земель новыми, и воздѣлываніе хлопка будетъ обходиться имъ все дороже и дороже. Правда, креолы новой конфедераціи, соединяющіе англо-саксонскую настойчивость съ южною страстностью, доказываютъ теперь, что способны дѣлать величайшія усилія для достиженія своей цѣли; но хотя ихъ отважность и переносимость уравнивали на время силу Сѣвера, они падутъ въ напрасной борьбѣ противъ экономическихъ и нравственныхъ законовъ, управляющихъ обществомъ. Земля, подвергнувшаяся невольническому труду, слабѣетъ въ своемъ плодородіи, и для восстановленія ея производительности нуженъ свободный трудъ. Когда великолѣпный бассейнъ Миссисиппи и долины Аппалаческихъ горъ будутъ населены свободными людьми, снова разцвѣтутъ поля, опустошенные рабствомъ».

Къ этимъ совершенно справедливымъ соображеніямъ надобно прибавить еще два другихъ. Въ случаѣ отдѣленія Южныхъ Штатовъ отъ Сѣверныхъ, торговля между этими двумя государствами, сдѣлавшись заграничною, конечно утратила бы часть прежней своей живости: таможня всегда служитъ задержкою, какъ бы легки ни были пошлины. Изъ этого слѣдуетъ, что отпускъ хлѣба съ Сѣвера на Югъ уменьшился бы, и Южнымъ Штатамъ пришлось бы навсегда уменьшить хлопчато-бумажныя плантаціи для расширенія своего хлѣбопашества, какъ это уже и начали они дѣлать въ прошедшемъ году. Другое соображеніе приводили мы еще при самомъ началѣ войны. Мы говорили тогда, что крайніе аболіціонисты Сѣвера вовсе не желаютъ удерживать Югъ въ государственной связи съ Сѣверомъ, а напротивъ самымъ выгоднымъ для своей цѣли рѣшеніемъ считаютъ признаніе независимости Южной конфедераціи. Какъ только была бы установлена граница между двумя государствами, невольники пограничной полосы Юга стали бы убѣгать въ Сѣверное государство, и пограничнымъ плантаторамъ не оставалось бы другаго средства сохранить свою черную собственность, какъ передвинуться съ нею подальше отъ границы на югъ. Такимъ образомъ пограничные южные штаты быстро очистились бы отъ невольничества и присоединились бы къ Сѣверному свободному государству. Граница невольничества постоянно подвигалась бы на югъ, и съ каждою новою пограничною полосею происходило бы то же самое. Такимъ образомъ постоянно уменьшались бы и пространство и производительная сила невольническихъ штатовъ, быстро умень-

шался бы и сборъ хлопка, если его воздѣлываніе основывается на невольническомъ трудѣ.

Все это было бы самой благопріятной для аболиціонистовъ развязкой дѣла. Потому люди проникательные давно уже поняли, что попыткою отдѣлиться отъ Сѣвера Югъ самъ ускорилъ отмѣненіе невольничества на всемъ пространствѣ прежняго Союза и что невозможно рассчитывать на полученіе изъ Америки прежняго количества хлопчатой бумаги, воздѣланной невольническимъ трудомъ.

Но и по этому вопросу, какъ всегда по всякимъ дѣламъ, число людей дальновидныхъ довольно незначительно по сравненію съ большинствомъ, довольствующимся самымъ поверхностнымъ взглядомъ на дѣло. И вотъ въ Англіи, какъ мы уже говорили, господствуетъ напрасное ожиданіе, что лишь бы прекратилась блокада южныхъ портовъ, привозъ хлопка изъ Америки пойдетъ попрежнему. Раздѣляетъ или не раздѣляетъ Пальмерстонъ эту ошибочную надежду, но во всякомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто самъ питаетъ ее. Не имѣя никакихъ прочныхъ принциповъ, онъ всегда основывалъ свои успѣхъ на угожденіи всякому мимолетному капризу общественнаго мнѣнія, искалъ популярности не въ томъ, чтобы заслуживать солидную славу реформами, достойными государственнаго человѣка, а въ томъ, чтобы служить олицетвореніемъ всѣхъ слабостей и заблужденій англійской публики. Его желаніе похвалить ей въ дѣлѣ объ арестѣ южныхъ эмиссаровъ уже обошлось англійскому народу довольно дорого: отправка войскъ въ Канаду и вооруженіе эскадръ для угрозы американскому берегу поглотило до 4 милл. фунтовъ. Деньги эти брошены совершенно на вѣтеръ; а между тѣмъ уже одна эта сумма, составляющая по всей вѣроятности только первую статью цѣлаго ряда задуманныхъ Пальмерстономъ подобныхъ расходовъ, была бы почти достаточна на покрытие всего недочета рабочей платы у страдающихъ работниковъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ.

Мы сказали, что Пальмерстонъ думаетъ продолжать свои убыточные демонстраціи противъ Сѣверныхъ Штатовъ. Дѣйствительно, едва успѣло кончиться дѣло объ эмиссарахъ, какъ газеты лорда Пальмерстона начали убѣждать публику въ существованіи новыхъ поводовъ къ непріятностямъ съ вашингтонскимъ правительствомъ. Очень много шума надѣлалъ онъ криками объ опасности, которой подвергается Канада. Въ Сѣверныхъ Штатахъ всегда господствовало мнѣніе, что Канада недолго захочетъ оставаться англійскою колоніею. Когда Пальмерстонъ сталъ грозить войною американцамъ, нѣкоторые вашингтонскія и ньюйоркскія газеты начали восторженно кричать, что сама Англія приглашаетъ Сѣвероамериканскій Союзъ къ приобрѣтенію Канады: надобно поскорѣ заключить миръ съ южными штатами, и объ арміи, соединившись, двинутся черезъ рѣку св. Лаврентія на завоеваніе англійскихъ владѣній въ Америкѣ. Эти слова были выставлены за выраженіе мыслей всего населенія Сѣверныхъ Штатовъ. Обманъ былъ очень грубъ: газеты, кричавшія о завоеваніи Канады, были органы сѣверныхъ союзниковъ плантаторской партіи. Они точно такъ же стремятся возбудить войну между Англіею и Америкою, какъ лордъ Пальмерстонъ ищетъ популярности угрозами противъ Америки. Они, какъ мы уже много разъ замѣчали, рассчитываютъ, что иностранная война заставила бы Сѣверъ согласиться

на все условія, какія захотятъ продиктовать ему плантаторы. Но теперь эта партія на Сѣверѣ безсильна, а все три партіи, раздѣляющія между собою влияние на дѣла, не могутъ имѣть и мысли о насильственномъ завладѣніи Канадою. Умѣренные демократы, умѣренные республиканцы и аболіціонисты никогда не представляли себѣ присоединеніе Канады къ Соединеннымъ Штатамъ иначе, какъ слѣдствіемъ желанія самой Канады. Въ ея жителяхъ постоянно была мысль слиться съ Соединенными Штатами, и они удерживались отъ ея исполненія только двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, сами они не были еще такъ сильны, чтобы Англія безпрекословно приняла ихъ отзвѣвъ, если бы они сказали, что слагаютъ съ себя зависимость отъ нея. Во-вторыхъ, жителямъ Канады, имѣющимъ совершенно европейское или аболіціонистское отвращеніе отъ невольничества, было бы противно и унижительно входить въ составъ государства, признающаго существованіе невольничества въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Первое обстоятельство, опасеніе тяжелой борьбы съ Англіею—быстро отстраняется возрастаніемъ могущества Канады. На устраненіе втораго препятствія, т. е. невольничества, надѣются аболіціонисты, и даже умѣренные республиканцы. Вотъ въ какомъ смыслѣ говорятъ жители Сѣверныхъ Штатовъ о соединеніи съ Канадою, въ смыслѣ добровольнаго влеченія обѣихъ сторонъ къ соединенію. Но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ Канада не имѣетъ ни малѣйшаго желанія вступить въ составъ Соединенныхъ Штатовъ: она не хочетъ подвергаться тяжелымъ жертвамъ борьбы съ Югомъ. Потому она стала вооружаться для защиты своихъ границъ, когда возникло опасеніе войны между Англіею и Соединенными Штатами. Пока внутреннія дѣла Соединенныхъ Штатовъ уладятся, ей выгодно держаться въ сторонѣ отъ нихъ. Этимъ расположеніемъ умовъ въ Канадѣ отстранялась для Англіи всякая опасность потерять свои сѣверо-американскія владѣнія въ нынѣшнее время: завоевывать Канаду Соединенные Штаты никогда не думали и не могутъ. Крики объ этомъ, поднятые въ Англіи, были совершенно напрасны.

Но они все-таки имѣли хотя наружную благовидность. Даже и этого лишень былъ шумъ, поднятый лордомъ Пальмерстономъ по случаю заваленія камнями одного изъ фарватеровъ Чарльстонской гавани.³

Читатель знаетъ, что Чарльстонъ былъ первымъ центромъ возстанія; онъ увлекъ за собою Южную Каролину, Южная Каролина увлекла за собою другіе южные штаты. Понятно, что изъ всѣхъ южныхъ городовъ Чарльстонъ наиболѣе ненавистенъ Сѣвернымъ Штатамъ. Есть и другое обстоятельство. Чарльстонъ—самая важная гавань Южныхъ Штатовъ на атлантическомъ берегу. По обѣимъ этимъ причинамъ Сѣвернымъ Штатамъ нужно было блокировать Чарльстонъ самымъ строгимъ образомъ. Но дѣло это затруднилось многочисленностью фарватеровъ; особенно неудобно было наблюдать за однимъ изъ нихъ, самымъ широкимъ. Сѣверные Штаты прибѣгли къ способу, новому въ исторіи морскихъ войнъ. Они нагрузили камнями 16 старыхъ купеческихъ судовъ и затопили ихъ въ три ряда поперекъ фарватера, который трудень былъ для блокады. Что тутъ неслыханно жестокаго? Новость дѣла состояла только въ томъ, что оно совершено противъ гавани непріателемъ съ цѣлью усилить блокаду, а точно такъ же перегораживались фарватеры затопленными кораблями уже много разъ самими защитниками гаваней, чтобы не допустить въ нихъ

непріятеля. Такъ поступили, напримѣръ, мы съ Севастопольскою бухтою. Ни англичане, ни французы не называли тогда насъ врагами рода человѣческаго и нарушителями законовъ природы за это дѣло. А если нѣтъ ничего ненатуральнаго, когда сами владѣльцы гавани на время портятъ ее по военной надобности, то еще менѣе можно претендовать за это на непріятелей. Но Пальмерстонъ, въ согласіи съ французскимъ кабинетомъ, захотѣлъ искать тутъ новаго предлога для ссоры съ Сѣверными Штатами. Затопленіе Чарльстонскаго фарватера было объявлено варварствомъ, какого не видѣлъ міръ со времени Чингизхана. Хладнокровныя газеты замѣчали на это: но вѣдь если бы сѣверный флотъ бомбардировалъ Чарльстонъ, сжегъ его до тла и погубилъ жителей подъ развалинами домовъ, тутъ не было бы ничего противнаго законамъ цивилизованной войны; какимъ же образомъ слишкомъ уже безчеловѣчно то, что, нисколько не портя ни одного дома въ городѣ, не подвергая опасности ни одного изъ жителей, отнимаютъ у этого города на время морскую торговлю? Пройдетъ война, и фарватеръ будетъ очищенъ, только и всего. Конечно очищеніе фарватера будетъ стоить чарльстонцамъ довольно много денегъ; но неужели не дозволительно подвергать непріятеля денежнымъ расходамъ?

Не знаемъ, какіе новые предлоги къ ссорѣ съ Сѣверными Штатами найдутъ лордъ Пальмерстонъ и французскій кабинетъ. Теперь они какъ будто остановились на этомъ пути. Органы лорда Пальмерстона въ послѣднее время стали говорить, что Англія желаетъ сохранить строгій нейтралитетъ; императоръ французовъ, въ рѣчи при открытіи законодательнаго корпуса, сказалъ то же самое. Эта перемена произошла очевиднымъ образомъ оттого, что западныя морскія державы колебались въ прежнемъ своемъ мнѣніи о непобѣдимости Южныхъ Штатовъ. Не знаемъ, до какой степени оправдается фактами предположеніе, что Южные Штаты скоро увидятъ невозможность продолжать борьбу: но въ концѣ января, когда мы пишемъ эти строки, господствовало такое ожиданіе въ Европѣ. Прежнее сомнѣніе въ достаточности силъ Сѣверныхъ Штатовъ для побѣды надъ Югомъ распространялось въ европейской публикѣ больше всего письмами вашингтонскаго корреспондента Times'a, который, подобно самому Times'у, враждебенъ дѣлу Сѣверныхъ Штатовъ. Но въ половинѣ января даже онъ увидѣлъ надобность измѣнить свои предсказанія о непобѣдимости Юга. «Я никогда не сомнѣвался (сталъ говорить онъ теперь), что громадное преимущество матеріальныхъ и нравственныхъ силъ Сѣвера обезпечиваетъ ему скорую и рѣшительную побѣду; это всегда было видно»,—жалъ, что въ теченіе всего прошлаго года онъ старался скрыть это. «Лишь бы хотѣли Сѣверные Штаты вести борьбу до конца, пеходъ ея неизбежно будетъ въ ихъ пользу», продолжаетъ онъ. Но ему все-таки хочется поддержать въ англійской публикѣ мнѣніе, что Сѣверъ не достигнетъ своей цѣли, что война останется напрасною и что потому Европа должна вмѣшаться въ нее, помочь Южнымъ Штатамъ. Съ этою цѣлью онъ приписываетъ новый поводъ къ сомнѣніямъ въ возможности успѣха Сѣверныхъ Штатовъ. И самъ Times, раздѣляющій желаніе своего корреспондента, началъ ежедневно развивать его мысль. Она относится уже не къ военной, а къ финансовой сторонѣ дѣла. Война стоитъ Сѣверу очень дорого,—по приблизительному разсчету, военныя издержки его составляютъ около милліона долларовъ (болѣе милліона руб. сер.) въ день. На первое время успѣ-

вали покрывать этот громадный расход займами безъ установленнѣ налоговъ, спеціально назначенныхъ на военные расходы и на уплату процентовъ по военнымъ займамъ. Деньги давались ньюйоркскими, филадельфійскими и бостонскими банками. Давъ болѣе 100 милл. долларовъ золотомъ государственному казначейству, банки эти въ концѣ прошлаго года увидѣли наконецъ, что запасы звонкой монеты въ ихъ кассахъ начинаютъ истощаться, и дали своимъ директорамъ право остановить размѣнъ своихъ билетовъ на золото, когда это будетъ нужно. Ровно ничего особеннаго тутъ нѣтъ: такъ дѣлается во всѣхъ государствахъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ серьезной войны; такъ сдѣлано было и англійскимъ банкомъ во время войнъ съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Правительство Сѣверныхъ Штатовъ знало, что займы звонкой монеты изъ банковъ годятся только на первое время войны, а для ея продолженія надобно будетъ прибѣгнуть къ другимъ источникамъ, и обратилось къ нимъ. Конгрессъ установилъ военные налоги суммою до 150 милл. долларовъ (200 милл. руб. сер.) и готовъ установить еще новые налоги въ такую же сумму, если понадобится. Эта надобность можетъ явиться чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а теперь пока кажутся достаточными уже установленные налоги, часть которыхъ пойдетъ на военные издержки, а другая послужитъ обезпеченіемъ процентовъ по заключаемымъ долгамъ и постепеннаго ихъ выкупа. Первый изъ новыхъ долговъ рѣшено сдѣлать посредствомъ замѣны нѣкоторой части кредитныхъ билетовъ частныхъ банковъ кредитными билетами, выпускаемыми отъ правительства. Ровно никакой перемѣны въ денежной системѣ по отношенію къ публикѣ тутъ не будетъ: какъ и всякая коммерческая страна, Соединенные Штаты чувствовали надобность, чтобы кромѣ звонкой монеты находились въ обращеніи у нихъ бумажные деньги, и бумажные деньги съ самаго начала республики существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ существуютъ въ самой Англій. До сихъ поръ они выпускались частными банками, теперь частные банки обязываются обмѣнять часть своихъ кредитныхъ билетовъ на билеты, выпускаемые правительствомъ,—въ родѣ того, какъ англійскіе частные банки и банкиры обязаны принимать билеты англійскаго банка наравнѣ съ звонкою монетою. Что тутъ особенно страшнаго? Иное дѣло, если бы количество кредитныхъ билетовъ, обращающихся въ Соединенныхъ Штатахъ, увеличилось чрезъ этотъ обмѣнъ: тогда можно было бы Times'у говорить объ опасности упадка цѣнности бумажныхъ денегъ въ Соединенныхъ Штатахъ и т. п. Но количество бумажныхъ денегъ вовсе не увеличивается: частные банки выкупаютъ изъ обращенія ровно такую же сумму своихъ билетовъ, какую выпускаетъ правительство. Этотъ оборотъ, вмѣстѣ съ установленными налогами, даетъ Сѣвернымъ Штатамъ финансовыя средства на покрытие военныхъ издержекъ до конца нынѣшняго года; а по мнѣнію многихъ, Южные Штаты должны будутъ покориться раньше этого срока. Но еслибъ случилось не такъ, еслибы война продлилась долѣе, финансовое положеніе Сѣверныхъ Штатовъ не представило бы ничего ужаснаго. Вопросъ не въ томъ, найдутся ли у нихъ средства на веденіе войны, а только въ томъ, какая партія одержитъ верхъ въ вашингтонскомъ конгрессѣ: та, которая стремится покончить войну не иначе, какъ освобожденіемъ невольниковъ, или та, которая хочетъ покончить войну какимъ бы то ни было образомъ, лишь бы поскорѣе покончить ее.

Въ конгрессѣ, который точнѣ всѣхъ другихъ органовъ правительственной власти служить представителемъ общественнаго мнѣнія, постоянно усиливается партія аболіціонистовъ; палата представителей и сенатъ уже начинаютъ исполнять нѣкоторые, на первый разъ еще маловажные, части ея программы. Такъ, напримѣръ, рѣшено уничтожить невольничество въ столпцѣ сѣвернаго союза — Вашингтонѣ и въ округѣ этого города, называющемся Колумбією и находящемся подъ непосредственнымъ управленіемъ союзнаго правительства. На выкупъ невольниковъ въ этомъ небольшомъ округѣ конгрессъ назначилъ миліонъ долларовъ. Теперь идутъ въ конгрессѣ пренія о существеннѣйшей части плана аболіціонистовъ: по мѣрѣ того, какъ сѣверныя войска будутъ подвигаться на югъ, во всѣхъ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ должно быть по плану аболіціонистовъ провозглашаемо освобожденіе невольниковъ съ выдачею вознагражденія тѣмъ владѣльцамъ, которые оставались вѣрны Союзу, а владѣльцы, участвовавшіе въ возстаніи, должны быть оставляемы безъ всякаго вознагражденія. Этотъ проэктъ былъ отвергиваемъ уже нѣсколько разъ въ нынѣшней сессіи конгресса, да и въ настоящую минуту аболіціонисты еще не имѣютъ силы провести его; но при каждомъ возобновленіи преній возрастало число голосовъ, подаваемыхъ за это предложеніе, и если война протянется, оно восторжествуетъ.

Но совершенно иное направленіе обнаруживается въ дѣйствіяхъ президента и министерства. Видя быстрое возрастаніе крайней партіи въ конгрессѣ, исполнительная власть старается по возможности задерживать развитіе событій въ аболіціонистскомъ духѣ и сближается съ демократическою партією, желающею щадить интересы плантаторовъ. Разумѣется, тутъ рѣчь идетъ не о сочувствіи Линкольна и Сьюарда къ плантаторамъ: президентъ и первый министръ также желаютъ уничтоженія невольничества; но они думаютъ, что прежде всего надобно заботиться о прекращеніи войны; принятіе аболіціонистской программы укрѣпило бы отчаянную рѣшимость южныхъ плантаторовъ, отняло бы у нихъ всякую охоту покориться, а этимъ продлилась бы война, если бы противъ крайней энергіи отчаявшихся плантаторовъ не были приняты столь же крайнія мѣры: формированіе партизанскихъ отрядовъ изъ свободныхъ негровъ Сѣвера, стремящихся идти на югъ, и призывъ южныхъ невольниковъ къ оружію. Едва ли можно будетъ избѣжать Линкольну этихъ рѣшительныхъ мѣръ, если война продлится; но онъ не желалъ бы принимать ихъ, потому что онѣ подвергнуть слишкомъ большому опасностямъ бѣлое населеніе южныхъ плантацій. Вотъ почему сѣверное правительство до сихъ поръ не допускаетъ рѣшительныхъ людей стать во главѣ военныхъ дѣйствій и даже смѣняетъ тѣхъ прежнихъ генераловъ и сановниковъ, которые обнаруживаютъ въ себѣ аболіціонистскій духъ. Такъ была дана, мѣсяца три тому назадъ, отставка генералу Фримонту, командовавшему войсками въ Миссури. Послѣ того, также за аболіціонизмъ, получилъ отставку командиръ другаго корпуса западныхъ войскъ, Зигель; наконецъ въ половинѣ января также за аболіціонизмъ получилъ отставку военный министръ Камеронъ и на мѣсто его назначенъ демократъ Стантонъ; говорятъ, что скоро будутъ удалены еще нѣкоторые министры, раздѣляющіе образъ мыслей Камерона, и также замѣнены людьми болѣе снисходительными къ рабовладѣльцамъ.

Разумѣется, умѣренная республиканская партія, сохраняющая господство въ кабинетѣ Линкольна, дѣлаетъ эти пожертвованія неохотно: она понимаетъ, что они вредны для веденія войны. Фримонтъ пользовался огромною популярностію въ западныхъ штатахъ и ихъ войскахъ, а Зигелемъ, нѣмцемъ, чрезвычайно гордилась нѣмецкая часть населенія Соединенныхъ Штатовъ, выставившая очень много волонтеровъ. Но умѣренные республиканцы до сихъ поръ хотѣли дѣйствовать противъ Юга не столько фактическими ударами, сколько моральнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ огромностію силъ, собранныхъ Сѣверомъ. Умѣренные республиканцы хотѣли бы не то что побѣдить Югъ, а только склонить его къ тому, чтобы онъ смирился. Потому генералы, возбуждающіе энтузіазмъ въ войскахъ, казались сѣверному правительству несоотвѣтствующими его планамъ. Напримѣръ, и Макъ-Клееланъ, сдѣланный главнокомандующимъ, принадлежитъ людямъ, желающимъ вести войну съ наимвозможною пощадою для Юга. Мы уже говорили объ этихъ отношеніяхъ, мѣсяца три или четыре тому назадъ. Ходъ событій подтверждаетъ замѣчанія, сдѣланныя нами тогда. По мѣрѣ того, какъ война длится, усиливается крайняя партія, желающая воспользоваться ею для немедленнаго уничтоженія невольничества. Эта партія уже овладѣваетъ конгрессомъ, а президенту уже надобно смѣщать генераловъ и министровъ, чтобы она не овладѣла веденіемъ войны. До сихъ поръ умѣреннымъ республиканцамъ, дѣйствующимъ чрезъ президента, еще можно было сохранять свое господство надъ гражданскою и военною администраціею, и отъ этого происходить нѣкоторая холодность между конгрессомъ и болѣе умѣренными органами исполнительной власти.

Люди, не знающіе быта Сѣверныхъ Штатовъ, воображаютъ, что несогласіе главнокомандующаго съ мнѣніями, достигающимъ сильнаго вліянія на конгрессъ, можетъ грозить опасностію законному устройству вашингтонскаго Союза. Они подозрѣваютъ Макъ-Клеелана въ честолюбивыхъ замыслахъ и готовы предсказывать, что изъ него выйдетъ Наполеонъ I. Этому превращенію мѣшаютъ только два обстоятельства. Во-первыхъ, Макъ-Клееланъ не одержалъ еще такихъ блистательныхъ побѣдъ, какія дали Наполеону возможность захватить диктатуру; во-вторыхъ, когда онъ одержитъ какія угодно побѣды, американцы припишутъ почти всю заслугу тутъ самимъ себѣ, массѣ войска, массѣ всего народа, а не силѣ одного человѣка. У нихъ уже такая привычка считать отдѣльнаго человѣка существомъ не Богъ-знаетъ-какимъ важнымъ въ отдѣльности отъ общества, которое даетъ ему и матеріальныя и нравственныя силы ко всему хорошему или блестящему, что онъ сдѣлаетъ. Они—народъ впечатлительный, любящій шумныя сцены; потому они готовы устроивать восторженныя оваціи тому или другому лицу, которое отличится чѣмънибудь; но устрояютъ это, шумятъ и кричатъ они не столько въ честь ему, сколько въ свое удовольствіе, и ни на минуту не забываютъ, что прославляемый герой ни больше, ни меньше, какъ ихъ собственное созданіе, и всю важность свою получили лишь отъ того, что имъ вздумалось сдѣлать его своимъ любимцемъ. Если же хоть немного покажется имъ, что онъ приписываетъ себѣ важность, независимую отъ нихъ, они бросаютъ его, и онъ возвращается въ ничтожество.

На эти замѣчанія мы вызваны появляющимися въ газетахъ разсужденіями, будто бы война можетъ породить въ Сѣверныхъ Штатахъ серьезную диктатуру.

А если бы не вздумали другіе толковать объ этой мнимои опасности, разумѣется, мы и не коснулись бы предмета, совершенно не пдущаго къ нынѣшнему положенію дѣла въ Сѣверной Америкѣ. Дѣло теперь не о томъ, какую роль будетъ играть какой нибудь генераль, прославившійся необыкновенными побѣдами, — вѣдь и побѣдъ еще никакихъ не было: наша рѣчь должна идти о томъ, въ какомъ положеніи находится война, до сихъ поръ ограничивавшаяся почти только одними приготовленіями къ будущимъ сраженіямъ.

Югъ давно уже вывелъ въ поле всѣ силы, которыми могъ располагать, а Сѣверъ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличиваетъ силу своихъ армій. По отчету, представленному военнымъ министромъ при началѣ засѣданій конгресса, въ началѣ декабря Сѣверные Штаты имѣли въ своихъ арміяхъ до 665 тысячъ войска. Послѣ того по прежнему формировались все новые полки, такъ-что численность дѣйствующихъ армій не увеличивалась только потому, что правительство не находило въ томъ нужды. Новые волонтеры были оставляемы въ резервахъ на случай надобности. — Южныя арміи имѣютъ отъ 300 до 400 тысячъ солдатъ. Убѣдившись въ превосходныхъ силахъ непріятеля, южные генералы ограничивались оборонительною системою дѣйствій. Сѣверные генералы не могли начать въ прошломъ году наступательныхъ дѣйствій потому, что должны были заниматься обученіемъ своихъ волонтеровъ. Теперь по ихъ мнѣнію войска приготовлены достаточнымъ образомъ, и надобно съ каждымъ днемъ ждать наступленія. Оно должно начаться съ фланговъ и съ тыла главной арміи Южныхъ Штатовъ, расположенной по южному берегу Потомака. Съ праваго фланга двинутся на нее отряды, которые будутъ перевезены моремъ на атлантическое побережье Южныхъ Штатовъ. Одинъ такой корпусъ подъ командою Бёрнсайда уже высадился на виргинскомъ берегу. Вслѣдъ за нимъ будутъ отправлены другіе корпуса, если этотъ первый окажется недостаточно сильнымъ. Съ тыла главной арміи Южныхъ Штатовъ дѣйствуетъ корпусъ, высадившійся близъ Чарльстона въ порт-рояльской бухтѣ. Полагаютъ, что другіе корпуса будутъ посланы на побережье Мексиканскаго Залива. Съ лѣваго фланга южной арміи дѣйствуютъ также нѣсколько отрядовъ, одинъ изъ которыхъ началъ спускаться по Миссиссиппи. Другіе пойдутъ сухимъ путемъ черезъ Миссури и Кентукки на югъ. Одинъ изъ нихъ уже одержалъ (въ Кентукки) значительную побѣду надъ сепаратистами, какъ мы знаемъ изъ телеграфическихъ депешъ. Степень важности этого дѣла мы еще не можемъ опредѣлить, не имѣя болѣе подробныхъ извѣстій о немъ. Эти диверсіи съ востока, юга и запада должны по мнѣнію сѣверныхъ генераловъ заставить Южное правительство отдѣлить изъ главной сепаратистской арміи много войскъ на защиту прибрежныхъ и западныхъ границъ южной конфедерации, и нѣкоторые думаютъ, что главная армія инсургентовъ, будучи ослаблена отдѣленіемъ отрядовъ, будетъ отступать къ Ричмонду, не отваживаясь на сраженіе. У нѣкоторыхъ сѣверныхъ газетъ надежды еще значительнѣе: онѣ полагаютъ, что сѣверныя войска, высадившіяся на виргинскомъ берегу, отрубятъ отступленіе главной арміи инсургентовъ, такъ что она будетъ окружена и разбѣется или положить оружіе. Разумѣется, это — догадка, основанная пока только на желаніи видѣть такой исходъ дѣла. Вѣрно только то, что сѣверное правительство думаетъ на дняхъ начать общее наступленіе всѣми своими силами и что къ веснѣ надобно ждать рѣшительныхъ дѣйствій.

Но пока силы американскаго народа заняты борьбою съ южными плантаторами, западно-европейскія державы пользуются для вмѣшательства въ американскія дѣла временною невозможностью ваппитонскаго правительства устранить европейское вмѣшательство изъ другихъ частей американскаго материка. Попытки подобнаго рода начались при самомъ же началѣ междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ. Испанцы устроили заговоръ въ Доминиканской республикѣ, занимающей ту часть острова Санъ-Доминго, которая прежде была подвластна Испаніи. Генераль-губернаторъ острова Кубы снарядилъ экспедицію; когда она была готова, заговорщики объявили, что жители Доминиканской республики желаютъ возстановить надъ собою испанскую власть, при которой будетъ имъ лучше, нежели теперь; испанскія войска высадились на берегъ по ихъ призыву, овладѣли нѣсколькими крѣпостями, захваченными врасплохъ, и переворотъ былъ совершенъ. Мы не упоминали о немъ, потому что онъ не имѣлъ особенной важности, если бы на томъ и остановилось дѣло. Но первый успѣхъ ободрилъ западныя морскія державы, и теперь ихъ вмѣшательство въ американскія дѣла уже получаетъ съ мекхиканской экспедиціей такіе размѣры, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія.

Формальный предлогъ къ мекхиканской экспедиціи состоитъ въ томъ, что Мехика не платила процентовъ по своимъ долгамъ. Большая часть этихъ облигацій находится въ рукахъ англичанъ; довольно много ихъ и у французовъ. Вотъ затѣмъ, чтобы заставить Мехику платить проценты, и снаряжена экспедиція изъ англійскихъ и французскихъ кораблей и войскъ. Затѣмъ тутъ примѣшались испанскіе корабли и войска, это совершенно неизвѣстно. Но какъ бы то ни было, Испанія приняла самое горячее участіе въ экспедиціи, и ея эскадра даже опередила эскадры двухъ другихъ союзниковъ. Если бы дѣло шло только о взысканіи процентовъ, экспедицію надобно было бы назвать предпріятіемъ нерасчетливымъ: навѣрное она будетъ стоить англичанамъ гораздо большихъ денегъ, чѣмъ сколько составляютъ всѣ долги мекхиканскаго правительства англійскимъ капиталстамъ. О долгахъ его французамъ нечего и говорить: онц, безъ сомнѣнія, въ двадцать разъ меньше издержекъ Франціи на экспедицію для ихъ взысканія. Потому разсудительные люди въ Англіи и Франціи говорили своимъ правительствамъ: если вамъ ужъ такъ жалко кредиторовъ, теряющихъ свои деньги, то лучше прямо вознаградите ихъ за потерю; это обойдется намъ дешевле, чѣмъ вести войну съ Мехикою для взысканія долговъ. Но занимательнѣйшая сторона дѣла состоитъ въ томъ, что войну для наказанія мекхиканцевъ за несправность платежей Англія и Франція начали какъ разъ въ то самое время, когда въ Мехикѣ установилось правительство, способное и хотящее быть исправнымъ передъ кредиторами; а пока не было надежды на появленіе такого правительства въ Мехикѣ, пока кредиторы дѣйствительно не могли имѣть надежды на получение процентовъ, никто заступаться за нихъ не хотѣлъ. Это исторія такого рода.

Съ незапамятныхъ временъ буйствовала въ Мехикѣ такъ-называемая клерикальная партія, которая имѣла на своей сторонѣ полудикія племена, образовавшіяся изъ смѣшенія испанцевъ съ индійцами; изъ этихъ дикарей она набирала армію, которая всегда готова была грабить и рѣзать въ честь клериковъ. По временамъ народъ, выведенный изъ терпѣнія грабительствами,

вооружался противъ этихъ бандитовъ, прогонялъ ихъ въ пустыни, но до послѣдняго времени не имѣлъ столько благоразумія и стойкости, чтобы прочно обезопасить себя отъ ихъ нападеній. Призываемые клерикалами бандиты пользовались первою оплошностью мирнаго населенія, чтобы снова явиться, низвергнуть правильную администрацію, поставить надъ Мехикою правителя изъ подобныхъ себѣ молодцовъ. Послѣднимъ изъ этихъ клерикальныхъ правителей былъ Мирамонъ. Нѣсколько лѣтъ шла борьба мирныхъ гражданъ противъ его разбойническихкихъ шаекъ; наконецъ, съ годъ тому назадъ, бандиты были окончательно побѣждены, и Мирамонъ бѣжалъ. Вотъ, когда онъ и подобные ему предводители шаекъ господствовали надъ Мехикою, она, конечно, не платила процентовъ по долгамъ. Но западныя морскія державы ни мало не претендовали за то на Мирамона; напротивъ, они даже поддерживали его въ борьбѣ со всѣми честными гражданами. Теперь, когда имъ показалось, что времена прежнихъ разбойническихкихъ смутъ кончились въ Мехикѣ, что законное правительство установилось прочно, западныя морскія державы двинули войска противъ этого правительства, которое само прямо говорило о твердомъ своемъ намѣреніи удовлетворить претензіи кредиторовъ. Эта мексиканская экспедиція не можетъ быть понята иначе, какъ въ смыслѣ удивительнѣйшаго примѣра макіавеллевской политики: надобно мѣшать устройству дѣлъ у другихъ народовъ, чтобы держать ихъ въ безсиліи и въ зависимости отъ себя. Разумѣется, никакъ не рѣшились бы Англія, Франція и Испанія на такое странное дѣло, если бы не видѣли, что Соединенные Штаты слишкомъ заняты внутренними смутами.

Когда приготовлялась тройственная экспедиція, участвовавшія въ ней державы увѣряли, что нимало не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Мексики и думаютъ только вытребовать у нея гарантіи для исправнаго платежа процентовъ. Теперь, какъ извѣстно читателю, открывается не то: союзники предполагаютъ завоевать Мексику и отдать ее одному изъ европейскихъ принцевъ,—чаще всего этимъ кандидатомъ называютъ одного изъ австрійскихъ эрц-герцоговъ,—чтобы онъ сдѣлался мексиканскимъ королемъ. Если положить, что это будетъ пріятно и выгодно для династій, членъ которой получить власть надъ Мехикой, все-таки остается непонятнымъ, изъ-за чего же тратить деньги и губить тысячи своихъ солдатъ три державы, бьющіяся для достиженія такой цѣли. Вѣдь онѣ, какъ мы читаемъ, даже условились не представлять кандидатомъ на мексиканскій престолъ никакого принца изъ своихъ династій, чтобы не возбуждать между собою зависти и споровъ и быть чистыми предъ лицомъ всего человѣчества отъ подозрѣній въ честолюбивыхъ или своскорыстныхъ замыслахъ. Изъ-за чего же онѣ бьются?

Изъ-за чего бьются, этого нельзя понять; но для чего онѣ занялись мексиканскимъ дѣломъ, это видно. Онѣ хотятъ утвердить свое вліяніе въ южной части сѣверо-американскаго материка; онѣ хотятъ все испытывать, до какой степени ослаблены Соединенные Штаты во внѣшнихъ дѣлахъ междоусобною войною. Соединенные Штаты не могли протестовать противъ экспедиціи, которой не допустили бы въ другое время, и вновь ободренные этимъ доказательствомъ желанія Соединенныхъ Штатовъ уклониться отъ внѣшней войны, лордъ Пальмерстонъ и тюльерійскій кабинетъ возобновляютъ рѣчь о союзѣ съ Южными Штатами противъ Сѣверныхъ. Въ рѣчь своей, при открытіи засѣданій законо-

дательнаго корпуса, императоръ французъ говорилъ о намѣреніи своемъ сохранять нейтралитетъ. Но тотчасъ же въ полуофициальныхъ французскихъ газетахъ явился комментарий, что Франція намѣрена соблюдать нейтралитетъ только въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, эти три мѣсяца даются Сѣвернымъ Штатамъ на испытаніе ихъ силъ. Если къ веснѣ они не кончатъ войны, это значитъ, что они взяли за войну безразсудно, и обязанностью западныхъ морскихъ державъ будетъ прекратить раздоръ принужденіемъ Сѣверныхъ Штатовъ признать независимость Южной конфедераціи. Этого необходимо требуютъ интересы хлопчато-бумажной промышленности въ Англіи и Франціи.

Разумѣется, дѣло это зависить не отъ Франціи, а отъ Англіи, и въ Англіи собственно отъ манчестерскихъ фабрикантовъ. Полгода тому назадъ, между ними господствовало мнѣніе, что для нихъ полезно было бы вооруженною рукою снять блокаду южныхъ портовъ, и въ угожденіе этому прежнему расположенію дѣйствовалъ Пальмерстонъ, когда искалъ ссоры съ Америкою. Но теперь манчестерскіе фабриканты повидимому стали думать иначе. По крайней мѣрѣ вотъ какое письмо напечаталъ одинъ изъ нихъ въ Daily News по поводу рѣчи, произнесенной однимъ изъ представителей Манчестера въ палатѣ общинъ, партизаномъ Пальмерстона, Масси.

«Г. Масси повидимому поддерживаетъ партію, которая хочетъ возбудить войну съ Соединенными Штатами изъ состраданія къ бѣдствіямъ хлопчато-бумажной промышленности въ Англіи и во Франціи. Я полагаю, что изъ 20 фабрикантовъ, 19 согласятся со мною, когда я скажу вамъ, что мы не хотимъ помощи, которую предлагаетъ намъ г. Масси; она была бы слишкомъ дорога и напрасна. Если бы война и могла доставить намъ хлопокъ, она подняла бы его цѣну до такой высоты, при которой уничтожилась бы вся наша промышленность. Если бы война и могла открыть гавани Южныхъ Штатовъ, мы должны были бы платить за хлопокъ военную страховую премію, отъ которой цѣна фрахта слишкомъ поднялась бы.

«Если наше правительство хочетъ пособить хлопчато-бумажной промышленности, есть къ тому способъ менѣе убыточный. Если бы казна прямо стала выдавать работникамъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ ихъ жалованье, а фабрикантамъ прибыль по сложности послѣднихъ семи лѣтъ, и если бы это пособие выдавалось за все время бездѣйствія фабрикъ по недостатку хлопка, то даже на это пошло бы меньше денегъ, чѣмъ на войну, и этотъ расходъ кончился бы скорѣе военного, потому что въ нынѣшнемъ году мы по всей вѣроятности получили бы два милліона тюковъ хлопка изъ Индіи, а въ слѣдующемъ году станемъ совершенно независимы отъ американскаго хлопка. Потому, если правительство станетъ выдавать умѣренное пособіе тѣмъ изъ манчестерскихъ работниковъ, которые лишились занятія, оно поступитъ гораздо разсудительнѣе и израсходуетъ меньше денегъ».

Въ этомъ же смыслѣ принято единодушное рѣшеніе митингомъ фабрикантовъ, бывшимъ въ Манчестерѣ въ концѣ января.

Однакоже, если мы будемъ продолжать такимъ сухимъ тономъ, мы окончательно потеряемъ право на вниманіе читателей, какъ люди, совершенно остальные. Нынѣ всѣ либеральничаютъ, и мы волею-неволею должны поддѣлываться подъ эту моду. Попробуемъ же писать въ либеральномъ духѣ.

Каждому просвѣщенному человѣку извѣстно, что Прусское королевство— государство конституціонное. Каждому даже и непросвѣщенному человѣку извѣстно также, что все люди, слѣдовательно и просвѣщенные люди, могутъ заблуждаться; а изъ этого слѣдуетъ, что не должно принимать безъ критики упомянутое нами убѣжденіе просвѣщенныхъ людей. Очень можетъ быть, что ихъ мнѣніе о государственномъ устройствѣ Пруссіи ни больше, ни меньше, какъ иллюзія. Мы когда нибудь займемся этимъ вопросомъ; но пока еще не занялись имъ, не имѣемъ основанія отвергать распространенный въ цѣломъ свѣтѣ взглядъ на Пруссію, какъ на государство конституціонное; напротивъ, должны пока думать, что самая распространенность вышеозначеннаго мнѣнія служить нѣкоторымъ ручательствомъ за его истину. Принимая же его до дальнѣйшаго изслѣдованія за истину, мы можемъ до-поры-до-времени построить слѣдующій силлогизмъ:

Въ конституціонныхъ государствахъ есть либеральныя газеты.

Слѣдовательно въ Пруссіи должны быть либеральныя газеты.

Основываясь на этомъ выводѣ, мы ищемъ прусскихъ либеральныхъ газетъ, и находимъ, что изъ всехъ попадающихся намъ на глаза самая либеральная— National-Zeitung. Въ настоящее время приличіе требуетъ отъ cadaго, какъ мы сказали, чтобы онъ старался имѣть либеральный образъ мыслей. Будемъ, какъ сказали, стараться объ этомъ и мы.—Пора, давно пора была намъ позаботиться объ этомъ; вѣдь на насъ уже насыпаны цѣлыя горы упрековъ за нашу нелюбовь къ свободѣ, за топтаніе въ грязь всехъ дѣятелей и органовъ европейскаго либерализма отъ Маколя и Токвилля до Кавура и г. Ржевскаго, отъ Débats и Times'a до почтенныхъ порпцателей нашихъ въ русской прессѣ. Изнемогая подъ тяжестью заслуженныхъ порицаній, мы, какъ уже объяснили, чувствуемъ нужду исправить и хотимъ учиться либерализму,—но не у нашихъ русскихъ собратьевъ, рѣчи которыхъ сами слишкомъ пахнутъ ученичествомъ, а у ихъ достойныхъ западно-европейскихъ наставниковъ, и на первый разъ беремъ за руководителя себя National-Zeitung.

Это предпочтеніе нѣмецкаго руководства англійскому или французскому основано на томъ, что нынѣ приходится намъ говорить о нѣмецкихъ отношеніяхъ: Австрія отличилась очень занимательными разсужденіями о бюджетѣ. Начнемъ же съ австрійскаго бюджета и послушаемъ, что говорятъ о немъ наша руководительница National-Zeitung.

«Государственные доходы и расходы, начиная съ 1861 г., будутъ приведены въ равновѣсіе—такова моя воля,—такъ повелѣлъ императоръ австрійскій торжественнымъ рескриптомъ отъ 11 ноября 1859 г.

«Если бы государственные доходы и расходы оставались безъ измѣненія, дефицитъ на будущій 1861 г. простирался бы до 43 милліоновъ гульденовъ. Но ожидаемое улучшеніе курса дозволяетъ надѣяться на уменьшеніе въ 5 милліоновъ гульденовъ въ расходахъ по потерямъ на курсъ. Министры внутреннихъ дѣлъ и юстиціи обѣщаютъ мнѣ сбереженіе до 4 милліоновъ. Такое же сбереженіе возможно по финансовому управленію. Расходы по арміи и флоту могутъ быть уменьшены на 11 милліоновъ.

Итакъ, при неизмѣнности прочихъ статей, дефицитъ 1862 г. уменьшится съ 43 до 19 миллионъ гульденовъ. Этой цифрѣ равняется сумма расходовъ, назначенныхъ на погашеніе государственнаго долга. Отложивъ это дѣло, мы можемъ считатьъ, что между государственными доходами и расходами въ 1862 году будетъ сохранено равновѣсіе». Такъ говорилъ управляющій министерствомъ финансовъ Австрійской имперіи г. фонъ-Пленеръ 31 іюля 1860 г. въ своемъ *Соображеніи о финансовой будущности Австріи на 1862 г.*

«Бюджетъ за 1861 годъ, въ которомъ по императорскому повелѣнію долженъ былъ исчезнуть дефицитъ, въ которомъ по мечтѣ министра финансовъ могъ по крайней мѣрѣ считаться дефицитъ исчезнувшимъ,—бюджетъ 1861 г. теперь у насъ передъ глазами, и въ немъ оказывается дефицитъ, равняющійся 110,186,000 гульденовъ.

«Что значать мечты австрійскихъ министровъ противъ логики финансового хозяйства, основаннаго на банкротствѣ и требующаго невозможностей отъ народныхъ средствъ!

«Чѣмъ же покрыть этотъ дефицитъ въ 110 милл.?—*Не вѣчно прибѣгать къ займамъ!*—энергически восклицаетъ фонъ-Пленеръ: *нужна бережливость!*—Но восклицая это, онъ объясняетъ, что дефицитъ будетъ покрытъ кредитными операціями: государство возьметъ деньги изъ банка, которому возвратить ихъ въ теченіе слѣдующихъ 20-ти мѣсяцевъ. Откуда возьметъ оно тогда деньги, чтобы возвратить ихъ банку, это никому неизвѣстно. Но то видно, что банкъ дастъ государству деньги, то есть сдѣлаетъ новый выпускъ бумажныхъ денегъ. Отъ такой кредитной операціи, по мнѣнію г. фонъ-Пленера, поднимется курсъ бумажныхъ денегъ.

«Судьба Австріи да послужитъ для другихъ государствъ урокомъ, чтобы они не дѣлали расходовъ, превышающихъ финансовую ихъ силу. Причиной разоренія Австріи служитъ безмѣрность расходовъ ея на войско».

Таковы размышленія National-Zeitung объ австрійскомъ бюджетѣ. Мы не имѣемъ возможности опровергнуть фактовъ, на которыхъ построена переведенная нами статья. Эти данныя засвидѣтельствованы къ сожалѣнію самимъ австрійскимъ правительствомъ. Оно пѣло неосторожность объявить цифру своего дефицита и объяснить средства, которыми намѣрено покрыть его. Ошибка сдѣлана, и у приверженцевъ австрійскаго правительства отняты «ю всякіе способы спорить съ врагами австрійской системы относительно фактовъ. Но къ счастью, еще можно перенести преніе въ другую сферу, въ область принциповъ и на почву исторической необходимости. Этимъ оборотомъ дѣло австрійскаго правительства несомнѣнно будетъ выиграно.

Расходы на войско въ Австріи очень велики. Положимъ; но какую пользу извлекутъ противники австрійской системы изъ указанія на этотъ фактъ, съ благородствомъ столь же излишнимъ, сколько и добросовѣстнымъ, выставленный самимъ австрійскими министрами? Неужели National-Zeitung думаетъ, что австрійскому правительству пріятно расходовать два гульдена тамъ, гдѣ довольно было бы израсходовать одинъ? Развѣ австрійское правительство даетъ подряд-

чикамъ и поставщикамъ больше, чѣмъ сами они требуютъ? Или развѣ нѣтъ въ Австріи между купцами соперничества, такъ что берутъ они за поставляемые предметы больше, чѣмъ могутъ взять безъ убытка для себя? Нѣтъ. Вещь, продающаяся за гульденъ, покупается австрійскимъ правительствомъ не больше, какъ за гульденъ. Если и бываютъ злоупотребленія, они поглощаютъ лишь ничтожную часть казенныхъ денегъ,—какой нибудь десятокъ милліоновъ изъ сотни. Злоупотребленіями нельзя объяснить огромнаго дефицита,—онъ почти весь остался бы, хотя бы ни одинъ чиновникъ не пользовался ни однимъ казеннымъ гульденомъ. Сообразите сами: австрійская армія многочисленнѣе французской, а ея содержаніе обходится почти на половину дешевле. Между тѣмъ во Франціи нѣтъ значительныхъ злоупотребленій по военной администраціи. Значить, не могутъ они поглощать много денегъ и въ Австріи,—напротивъ, очевидно, что Австрія умѣетъ содержать солдата на меньшее число рублей, чѣмъ содержится онъ во Франціи.

National-Zeitung скажетъ: я именно о томъ и говорю, что армія въ Австріи слишкомъ многочисленна.—Хорошо такъ разсуждать National-Zeitung; но мы онятъ спрашиваемъ: неужели она воображаетъ, что австрійскому правительству пріятно содержать двѣ роты тамъ, гдѣ достаточно одной? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, австрийская армія существуетъ для чьего нибудь каприза? Если содержатся подъ знаменами эти люди жалкой наружности, плохо одѣтые, плохо обутые, то конечно не для доставленія удовольствія кому нибудь любоваться на нихъ, а только по необходимости. Вотъ показала бы National-Zeitung возможность обойтись безъ такой многочисленной арміи, тогда былъ бы смыслъ въ ея словахъ.

«Мы готовы показать и каждый день показываемъ, какими способами можно устранить необходимость въ содержаніи такой многочисленной арміи,—скажетъ National-Zeitung:—надобно отказаться отъ Венеціи, удовлетворить требованія венгровъ, и можно будетъ тогда распустить больше половины арміи».—Странные люди! Сдѣлаютъ неосновательный упрекъ и потомъ придумываютъ предлагать невозможный способъ для его отвращенія. Какое правительство отказывалось когда нибудь добровольно отъ обладанія какою нибудь землею? National-Zeitung винить австрійскую систему въ обскурантизмъ, деспотизмъ и проч. Но въ Англіи было много разъ правительство просвѣщенное и либеральное; однако же Англія никогда не отказывалась отъ господства надъ Ирландіею, которая до недавняго времени точно такъ же ненавидѣла Англію, какъ Венеція—Австрію. Да и сама National-Zeitung при всемъ своемъ либерализмѣ соглашается ли на добровольное прекращеніе господства прусскихъ гѣмцевъ надъ тою частью Пруссіи, которая стремится къ отдѣльному отъ нея національному существованію? Значить, обскурантизмъ и деспотизмъ австрійскаго правительства остается тутъ не при чемъ: либеральное правительство точно такъ же старалось бы сохранить власть надъ Венеціею. А для этого надобно держать триста тысячъ войска въ Венеціи и сосѣднихъ областяхъ: иначе итальянцы тотчасъ бросились бы изъ Ломбардіи и Романьи на Венецію, да и она сама возмущалась бы, и австрійская власть надъ нею рушилась бы въ двѣ-три недѣли. Вотъ мы нашли, что одна половина австрійской арміи занята дѣломъ,

не допускающимъ уменьшить ее. Изъ другой половины большая часть нужна для охраненія порядка въ Венгріи.—National-Zeitung говоритъ: «пусть австрійское правительство удовлетворитъ желаніямъ Венгріи, тогда не будетъ надобности содержать огромную армію въ этомъ королевствѣ».—Вѣдь это все равно, какъ если бы совѣтовать купцу, чтобы онъ не бралъ торговой прибыли, или совѣтовать землевладѣльцу, чтобы онъ не бралъ дохода съ своей земли, или совѣтовать National-Zeitung, чтобы она отказывалась отъ подписчиковъ. Или нѣтъ: эти совѣты, совершенно нелѣпыя, все-таки менѣе странны, чѣмъ совѣты, даваемые австрійскому правительству либералами. Удовлетворительная развязка венгерскихъ отношеній точно такъ же не зависитъ отъ австрійскаго правительства, какъ и разрѣшеніе вопроса о Венеціи. Тутъ нужны совершенно инныя обстоятельства, и виновато ли австрійское правительство, что обстоятельство такихъ до сихъ поръ нѣтъ? Чтобы нѣсколько разъяснить дѣло, сообразимъ положеніе венеціанскаго вопроса.

Итальянцы хотятъ изгнать австрійцевъ изъ Венеціи. Виновато ли австрійское правительство въ томъ, что итальянцы до сихъ поръ не приступали къ исполненію этого своего желанія? Очень можетъ быть, что совершенно правы кавуристы, находящіе итальянское войско еще слишкомъ слабымъ для подобной попытки. Но если такъ, неужели австрійское правительство виновато въ слабости итальянской арміи? Неужели оно должно было заботиться объ ея усиленіи? Никто не обязанъ хлопотать о развитіи силъ своего врага. Считать это обязанностью австрійцевъ значило бы требовать отъ нихъ великодушія, почти сверхъестественнаго. Но австрійцы оказываютъ даже и это столь тяжелое благородство. Сколько могутъ, они хлопочатъ объ усиленіи итальянской арміи. Они нисколько не скрываютъ своего намѣренія начать съ Италіею войну для восстановленія прежняго порядка; они ссорятся и грозятъ. Чего же больше? Кажется, довольно ясно указываютъ они итальянцамъ надобность усиливать національную армію. Неужели можно ждать, чтобы они дѣлали больше для итальянцевъ? Ждать было бы нельзя, но австрійцы превышаютъ своимъ благородствомъ всѣ ожиданія: они даже указываютъ итальянцамъ вѣрнѣйшій способъ довести національную армію до силы, какая нужна для успѣха итальянскаго дѣла. Они выражаютъ самую сильную тревогу, когда кто нибудь въ Италиіи говоритъ о формированіи волонтерскихъ корпусовъ. Регулярное войско не такъ ихъ беспокоитъ; но волны, обязывающіеся служить только на время войны, не требующіе, чтобы правительство содержало ихъ въ мирное время, и добровольно обязывающіеся идти на непріятеля безъ всякой надежды на выгоды, доставляемыя военною карьерою,—эти волны чрезвычайно непріятны для австрійцевъ. Кажется, указаніе очень понятно: Италія должна заботиться о формированіи волонтеровъ въ подкрѣпленіе своему регулярному войску.

Какъ же послѣ этого достанетъ у насъ духу выѣсть съ National-Zeitung порицать австрійцевъ за то, что они не могутъ привести къ равновѣсію свой бюджетъ? Помните, они дѣлаютъ все зависящее отъ нихъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ натянутого положенія, увлекающаго ихъ въ чрезмѣрные расходы. Напримѣръ, итальянцамъ они прямо говорятъ: усиливайте же свою армію и въ особенности формируйте волонтеровъ, чтобы поскорѣе избавить себя отъ опас-

ности, своихъ соотечественниковъ венеціанцевъ отъ нашей власти, а насъ отъ чрезмѣрныхъ расходовъ на Венецію. Точно такъ же ясно указываютъ они и венграмъ на то, какимъ образомъ Венгрія должна избавить вѣнское правительство отъ чрезмѣрныхъ расходовъ на нее. Стало быть за то, что не исчезаетъ дефицитъ изъ австрійскаго бюджета, надобно винить не австрійцевъ, а венгровъ и итальянцевъ.

А къ веснѣ нынѣшняго года опять возникаютъ съ увеличившеюся силою ожиданія, бывшія къ прошлогодней веснѣ, что венгры и итальянцы вступятъ на путь, на который тянетъ ихъ австрійское правительство. Относительно Италіи, Австрія даже принимаетъ мѣры, чтобы развязка никакъ не могла быть отсрочена нерѣшительностью итальянцевъ въ будущую весну, какъ была отсрочена въ прошлую.

Австрія требуетъ обезоруженія Итальянскаго королевства. Рикасоли, конечно, не можетъ согласиться на это. Австрія грозитъ, что пришлетъ ультиматумъ; Италія отвѣчаетъ или думаетъ, что не боится его.—Еслибы не императоръ французовъ, удерживающій изъ любви къ Италіи слишкомъ быстрые порывы Рикасоли къ установленію и достиженію полного единства Италіи, война была бы неизбежна. Но при могущественномъ посредничествѣ французскаго правительства Рикасоли находитъ нужнымъ быть скромнымъ на словахъ, а еще больше на дѣлѣ. Объ Австріи нечего и говорить: она не начнетъ войны, пока не получитъ разрѣшеніе отъ Франціи или не устроитъ противъ Франціи какой нибудь союзъ. Ни того, ни другаго она еще не успѣла добиться. Все еще не можетъ добиться Рикасоли и того, чтобы французы отдали итальянцамъ иностранный городъ Римъ или по крайней мѣрѣ сказали, что когда нибудь отдадутъ его. Изъ послѣдняго обстоятельства видно, какъ напрасны фразы о политическомъ коварствѣ. Политика всѣхъ державъ дѣйствительно была коварна въ отдаленную старину, въ средніе вѣка или въ слѣдующія столѣтія, можетъ быть даже и во времена дѣдовъ нашихъ. Тогда точно было коварство. Напримѣръ: зазоветъ къ себѣ папа Александръ VI или король Людовикъ XI гостей, да и отравитъ ихъ или велитъ удушить. Въ XVII, XVIII вв. этого уже не дѣлалось; но бывали такіе случаи, что назоветъ себя какое нибудь правительство союзникомъ другаго, пошлетъ войска на его защиту, а потомъ и объявитъ своими занятыя области. Такъ дѣлывалъ еще и Наполеонъ I, напримѣръ—съ Испаніей. Но теперь этого уже не водится: даже и не даютъ обѣщаній, когда не имѣютъ готовности исполнить ихъ, и никакія просьбы не могутъ склонить къ этому. Вотъ, напримѣръ, Рикасоли бѣсится не изъ того, чтобы французы очистили Римъ: дайте намъ, говоритъ, только обѣщаніе, что очистите, а тамъ и не очищайте; съ меня довольно будетъ обѣщанія, чтобы провести парламентъ. Нѣтъ, не даютъ. А вотъ любопытно тоже, что мы назвали городъ Римъ иностраннымъ для итальянцевъ. Незнающему челоѣку оно покажется странно; а вѣдь на самомъ-то дѣлѣ такъ: Римъ—столица католическаго міра, стало быть принадлежитъ не Италіи, а всей католической Европѣ; этотъ городъ настолько же прландскій, французскій, испанскій, португальскій, австрійскій, насколько итальянскій,—все равно,—какъ бы это сказать? все равно, что наша знаменитая зала въ Пассажѣ: и цыганская она, потому что въ ней цы-

гане пѣли, и театръ она теперь, и ученымъ она принадлежить, потому что въ ней лекціи читались, и поэтамъ она принадлежить, потому что оглашалась апллодисментами гг. А. Майкову и Бенедиктову.—«Такъ, кому угодно, всякій можетъ отличаться въ залѣ Пассажа, но вѣдь это не мѣшаетъ же ей имѣть одного хозяина; точно такъ, почему бы и Римъ не могъ принадлежать одному хозяину, своему итальянскому народу?»—Нѣтъ, это не такъ; сравненіе было выбрано нами неудачно.

Но бѣдному Рикасоли не легче отъ этого. Лучше бы для него, если бы сохранилось въ политикѣ исчезнувшее изъ нея старинное коварство; отъ прямодушія французскаго правительства онъ терпитъ ужасно. Вообразите, собрался парламентъ и спрашиваетъ его: что вы сдѣлали по венеціанскому вопросу, по римскому вопросу?—«Ничего не могъ сдѣлать. Надобно только надѣяться»...—На чемъ же основаны ваши надежды? имѣете ли вы какія нибудь обѣщанія?—«Нѣтъ никакихъ обѣщаній».—Значить, ровно ничего намъ и надѣяться при васъ,—думаетъ парламентъ, и, хоть не говоритъ онъ этого, а все-таки извѣстно Рикасоли, что онъ думаетъ,—и чувствуетъ бѣдный министръ, что хотятъ его столкнуть. Да и нельзя не чувствовать, когда не можетъ Рикасоли даже найти человѣка, согласнаго принять въ его кабинетъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ: видно, каждый знаетъ, что не стоитъ связывать своей карьеры съ разваливающимся кабинетомъ Рикасоли. Обратился онъ къ Ландѣ,—отказъ, обратился къ Бонкомпаньи,—тоже отказъ, къ Раттаиш,—тоже, къ Санъ-Мартино,—тоже самое. Приверженны Рикасоли переглянулись, слыша, какъ ихъ компаньоны отпѣкиваются отъ Рикасоли, и собрались разсудить, что это значить? Собрались, разсудили,—видятъ: Рикасоли никуда не годится; выбрали двухъ самыхъ бойкихъ между собою и отправили къ Рикасоли сказать ему, что онъ не годится, пусть выходитъ изъ министерствъ. Отправили депутацію, а сами продолжаютъ разсуждать: прогонимъ его, кого же назначить? Переглянулись опять, каждый видитъ, что всѣ остальные еще хуже Рикасоли. Некого выбрать. Рикасоли провѣдалъ объ этомъ и говоритъ депутатамъ, явившимся съ объявленіемъ, чтобы онъ выходилъ въ отставку: «хорошо; завтра явлюсь я объясниться съ гг. депутатами консервативной партіи».—Явился и говоритъ: «замѣнить меня у васъ некому, такъ ужъ каковъ я ни есть (оно и точно, что плохъ, самъ вижу), но ужъ вы меня поддерживайте».—Хорошо, нечего дѣлать, станемъ поддерживать, хоромъ отвѣчали консерваторы, и Рикасоли остался правителемъ Италіи. Вотъ и видно,—такъ оно даже и на географической картѣ нарисовано,—что въ Италіи земля клиномъ сошлась: нѣтъ людей кромѣ Рикасоли, да и баста.—То есть, оно можетъ быть и есть люди; должно быть даже много людей между тѣми, которые, наперекоръ нерѣшительности Кавура и самого Рикасоли, присоединили къ владѣніямъ Виктора Эммануэля Тоскану, герцогства, легатства, Сицилію, Неаполь; но тѣ люди вообще—все непорядочные люди. Стало быть, пока нѣтъ крайности, порядочные люди съ ними и не могутъ имѣть дѣла. Только крайность можетъ заставить благомыслящаго человѣка замарать свою руку пожатіемъ мозолистой руки какого нибудь Гарибальди или грязныхъ рукъ его пріятелей. А вѣдь у его пріятелей грязныя руки: Бергани—воръ; Никотера—бандитъ; эти еще хоть не уличены, а другіе даже осуждены законнымъ порядкомъ въ трибуналахъ Итальянскаго королевства какъ убійцы;

Рикасоли недавно объявлялъ, и Кавуръ не задолго предъ смертью тоже объявлялъ, что не можетъ онъ признать несправедливымъ приговора, произнесеннаго надъ однимъ изъ нихъ, и потому не можетъ допустить его возвращенія на родину. Такіе люди, подвергающіеся справедливымъ приговорамъ судилищъ, конечно могутъ только удить рыбу въ мутной водѣ,—вотъ поэтому-то они все и мутили Италію противъ австрійцевъ и австрійскихъ кліентовъ, мутили, мутили, и—составили нынѣшнее Итальянское королевство. Будутъ смутныя времена, придетъ неминуемая бѣда отъ австрійцевъ, тогда они понадобятся и обратятъ бѣду въ полное торжество итальянскаго единства. А теперь хоть все идетъ плохо въ Итальянскомъ королевствѣ, но бѣда еще далека, стало быть можно называть этихъ людей ворами и убійцами, сумасшедшими и злодѣями.

П О Л И Т И К А.

Февраль 1862.

ДѢЛО О ПЕНСИИ МОНТОБАНУ.—ПРЕНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОРПУСА ОБЪ АДРЕСЬ.—МИНИСТЕРСТВО РАТТАЦЦИ.—РАСПУЩЕНІЕ ПРУССКОЙ ПАЛАТЫ ДЕПУТАТОВЪ.—ВЗЯТІЕ ФОРТА ДОН-НЕЛЬСОНА.

Зловѣщія птицы начинаютъ каркать похоронную пѣсню надъ существующимъ порядкомъ западной Европы. Каркали они давно—такая ужъ ихъ натура; но карканье карканью рознь. Ворона кричитъ безпрестанно; но когда она кричитъ такъ-себѣ, по одному влеченію натуры, унылое ея карканье глухо, и въ немъ слышится только ея безцельная злоба. Тотчасъ можно отличить отъ этихъ заунывныхъ звуковъ тотъ веселый, звонкій крикъ, съ которымъ поднимается она летѣть на добычу, прослышавъ запахъ трупа. Такъ и зловѣщія птицы западной Европы долго кричали заунывнымъ глухимъ тономъ, выражавшимъ только ихъ собственную досаду на спокойный порядокъ ихъ странъ и на ихъ безсиліе поклевать его. Теперь не то. Самоувѣренное предчувствіе приближающагося разгула для нихъ даетъ какую-то адескую веселость крику ихъ.

Мы не скажемъ, что ошибаются зловѣщія птицы. Обоняніе у нихъ тонкое; очень можетъ быть, что и въ самомъ дѣлѣ скоро начнется пиръ для нихъ, но мы скажемъ, что ошибаются онѣ, если думаютъ, что проченъ или хотя дологъ будетъ готовящійся имъ праздникъ. Въ народахъ Европы, какъ и во всякихъ другихъ народахъ, есть недовольство существующимъ порядкомъ, и отъ времени до времени стекаются обстоятельства, доводящія недовольство до взрыва. Но вѣдь взрывъ произведенъ только стеченіемъ обстоятельствъ, только неопредѣленнымъ недовольствомъ, и разрушивъ прежнее, толпа не знаетъ, какъ ей быть съ постройкой новаго: своего плана нѣтъ у ней, а жить безъ крова и пріюта нельзя: надобно строить, поскорѣе строить. И начинается торопливое возсозданіе: обломки стараго подъ руками,—это и прекрасно по ея мнѣнію: обтесывать новый матеріалъ некогда, да онъ можетъ быть и не запасенъ: со старымъ матеріаломъ работа пойдетъ скорѣе; а планъ?—что-жь, когда нѣтъ

новаго плана, развѣ нельзя воспользоуаться воспоминаніями о прежнемъ зданіи? Развѣ все въ немъ было уже безусловно дурно? Если оно было неудобно, такъ не отъ того ли только, что обветшало? Можетъ быть самый планъ его и былъ хорошъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей.

Вотъ и возстановляется торопливо почти все по старому плану изъ обломковъ прежняго.—«Въ чемъ же прогрессъ»?—воскликнуть лица, называющія васъ утопистомъ за то, что вы не отказываетесь отъ предвидѣнія счастливой жизни для человѣчества въ будущемъ, и тутъ же, не переводя духа, называющія васъ скептикомъ или нигилистомъ за то, что вы не вѣрите въ безмятежное осуществленіе ихъ маленькихъ иллюзій на завтрашній же день,—«гдѣ же въ такомъ случаѣ прогрессъ и къ чему же стремиться, если послѣзавтра возстановляется то, что надеть завтра? Если такъ, зачѣмъ же работать? лучше сложимъ руки. Ваши слова ведутъ къ отчаянію, а отчаяніе повергаетъ въ апатію».—Нѣтъ, унывать не за чѣмъ, и прогрессъ вовсе не отвергается разрушеніемъ иллюзій. Будутъ строить изъ стараго матеріала; но вѣдь часть его рассыпалась въ порошокъ и унесена вѣтромъ; стало быть стараго матеріала не достанетъ, поневолѣ прибавится новый. Да и старый планъ нельзя же запомнить совершенно точно,—кое-что забылось; значитъ, кое-что надобно устроить и не по старымъ воспоминаніямъ, а по нынѣшнимъ соображеніямъ. Вотъ, значитъ, все-таки и оказывается прогрессъ.

Всѣ эти размышленія о прогрессѣ и нигилистахъ вызваны у насъ карканьемъ зловѣщихъ птицъ, чующихъ поживу себѣ въ западной Европѣ, а карканье ихъ оживлено ходомъ дѣлъ во Франціи. Вѣдь что тамъ ни говорите, а Франція все-таки остается, по прекрасному выраженію консерваторовъ, волканомъ, взрывы котораго потрясаютъ Европу. Она какъ будто и пріутихла; отъ этого даже потеряла репутацію въ глазахъ лицъ, вышеупомянутыхъ нами. Но тонкіе люди, дипломаты и хорошіе консерваторы, никогда не обманывались видимымъ ея усмирениемъ. Вѣдь уже три раза, со временъ нашихъ прадедовъ, прикидывался этотъ Везувій угасшимъ и остепенившимся: тихо было внутри Франціи при Наполеонѣ I, много лѣтъ прикидывалась она усмирѣвшею при Бурбонахъ, потомъ опять много лѣтъ при Луи-Филиппѣ, и каждый разъ, если можно цинически выразиться, надувала почтеннѣйшую Европу. Вотъ и теперь, чуткое ухо злонамѣренныхъ людей слышитъ въ подземныхъ слояхъ Франціи глухой гулъ,—предвѣстникъ приближающагося изверженія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали носиться неопредѣленные слухи о какомъ-то звѣрскомъ тайномъ обществѣ, называющемся «Маріанною». Съ той поры все идутъ слухи, будто оно растетъ и растетъ. Успѣвали иногда какъ будто поймать какую нибудь отрасль его,—пойманныхъ наказывали; но къ прискорбію видѣли, что они вовсе не главные люди; а гдѣ и въ комъ найти главныхъ людей этой вредной закваски, никто не зналъ. Вотъ и теперь, въ февралѣ 1862 г., арестовали въ Парижѣ нѣсколько человѣкъ,—въ числѣ ихъ Греппо, бывшаго единственнымъ изъ 1,200 членовъ конститутивнаго собранія 1848 года, подавшимъ голосъ за предложеніе Прудона объ уменьшеніи диффрѣ платежа во всѣхъ существующихъ контрактахъ. Посмотрѣли, посмотрѣли на этого Греппо, повертѣли, повертѣли его на разныя стороны,—не оказывается въ немъ никакихъ слѣдовъ злоумышленія; и отпустили его опять заниматься своимъ коммер-

чекимъ дѣломъ, а руководителей «Маріанны» все-таки не нашли, не добились и того, чтобы хотя узнать, точно ли отъ «Маріанны» надобно ждать опасностей, или съ другихъ сторонъ, а «Маріанна» только фантомъ.

Этого не разберутъ люди, специально занявшіеся разузнаваніемъ о «Маріанинѣ»; а со стороны очень видно, что собственно она—неважный фантомъ, и дѣло не въ ней, а въ отношеніяхъ, всѣмъ извѣстныхъ, въ актахъ, печатаемыхъ самимъ французскимъ правительствомъ.

Зачѣмъ, наиримѣръ, обнародованъ французскимъ правительствомъ докладъ Фульда, о которомъ говорили мы мѣсяца два тому назадъ? Развѣ не понимало французское правительство, что этимъ актомъ отнимаетъ оно у себя возможность отрицать разстроенное положеніе финансовъ? Конечно понимало; но продолжать запирательство не было уже ни пользы, ни возможности. Возможности не было потому, что изсякли всѣ средства прикрыть дефицитъ обыкновенными секретными оборотами; приходилось возвышать налоги и заключать новый заемъ; значитъ, явился бы фактъ, понятный всѣмъ и безъ признанія въ немъ. Пользы не было продолжать запирательство потому, что уже никто давно ему не вѣрилъ. Значитъ, лучше было уже признаться прямо и формально. Такъ; но изъ этого возникаетъ новый аргументъ для противниковъ: «вы, дескать, сами признались, что довели финансы до разстройства; значитъ, ваша система не годится».

И вотъ изъ такихъ-то, можно сказать, пустяковъ, посмотрите, какой поднимается гвалтъ. Законодательный корпусъ обезкураженъ: «нѣтъ», думаетъ онъ: «тутъ надобно дѣйствовать иначе. Явимся мы сами защитниками истинныхъ принциповъ. Начнемъ дѣлать оппозицію; приобретемъ этимъ популярность»...

Вообразите себѣ толпу лицъ, вздумавшихъ, что имъ нужно либеральничать, дѣлать оппозицію, выступать приверженцами демократическихъ принциповъ, но не имѣющихъ понятія обо всемъ этомъ и либерализмъ свой ставящихъ въ привязкахъ къ какимъ нибудь мелочамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ у нихъ мысль, что вѣдь они «вольнодумничаютъ», а вольнодумство вообще вредно, для нихъ же неприлично.

Предметъ для оппозиции выбрали они самый мелкій, какъ извѣстно читателю: награду генералу Монтобану. Генераль этотъ не отличается особыми дарованіями, но онъ приобрѣлъ себѣ порядочное состояніе въ китайской экспедиціи, которою начальствовалъ. Это фактъ; есть сплетня, говорящая о другой его способности: онъ сосваталъ дѣвушку очень красивой наружности, доставившую очень доходное мѣсто,—должность сенскаго префекта, то есть должность парижскаго оберъ-полиціймейстера и губернатора, своему отцу. Монтобанъ рассчиталъ, что дѣвица Гаусманъ будетъ и для мужа не менѣе полезна, чѣмъ для отца. Впрочемъ это—парижская сплетня, не имѣющая, разумѣется, никакого отношенія къ слѣдующей исторіи. Говорятъ, будто генераль Монтобанъ, нашедши въ Кятаѣ два милліона франковъ, получаетъ съ нихъ тысячу сто или больше франковъ дохода. Жалованье его, по разнымъ должностямъ, простирается также до ста тысячъ франковъ; но за жалованье можно ручаться только при нынѣшней системѣ: случись перемѣна въ правительствѣ, Монтобану дадутъ отставку, и жалованье пропадетъ; а капиталъ въ два милліона франковъ—имущество благоприобрѣтенное; родового имущества генераль Монтобанъ не имѣетъ.

По такому соображенію былъ представленъ въ законодательный корпусъ проэктъ закона о назначеніи графу Паликао (Монтобану) съ потомствомъ наследственной и вѣчной пенсіи въ 50 тысячъ франковъ. Вотъ на этотъ проэктъ и обрушился либерализмъ законодательнаго корпуса. «Какъ потомственная пенсія»?—заговорили члены законодательнаго корпуса:—«но вѣдь это будетъ майоратъ, а майораты запрещены во Франціи. Вѣдь это будетъ возвращеніе къ до революціонному порядку, нарушеніе законовъ, ниспроверженіе демократическихъ принциповъ», и т. д., и т. д. Монтобанъ, услышавъ про оппозицію его пенсіи, написалъ къ императору, что онъ отказывается отъ предполагаемой награды, и т. д. Немедленно явилось въ газетахъ отвѣтное письмо императора, говорившее, что императоръ не возьметъ назадъ проэктъ закона о пенсіи; что законодательный корпусъ не умѣетъ цѣнить заслугъ, оказанныхъ Франціи, но Франція разсудитъ между императоромъ и законодательнымъ корпусомъ и проч.—Что же законодательный корпусъ? Законодательный корпусъ упорствовалъ; коммисія, разсматривавшая проэктъ о пенсіи, представила докладъ въ томъ смыслѣ, что, несмотря на письмо императора къ Монтобану, пенсію надобно отвергнуть. Но императоръ не допустилъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ довести скандалъ до конца. За нѣсколько дней до срока, назначеннаго для преній о докладѣ коммисіи, президентъ законодательнаго корпуса, графъ Морни, публично вынулъ изъ кармана въ началѣ засѣданія и прочелъ письмо императора къ нему, графу Морни, говорившее, что императоръ не хочетъ огорчать законодательный корпусъ, не желаетъ ставить его членовъ въ необходимость тяжелаго для нихъ выбора между угожденіемъ ему, императору, и вѣрностью ихъ демократическимъ убѣжденіямъ, и потому беретъ назадъ проэктъ закона о пенсіи графу Паликао.

Мы не приверженцы того мрачнаго взгляда, который старается все объяснить хитрымъ расчетомъ, каждую развязку считаетъ предусматривавшеюся заранѣе. Дѣлю происходило гораздо проще. Императоръ французовъ много разъ прибѣгалъ къ средству, употребленному имъ теперь для уничтоженія попытокъ оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ: когда какой нибудь проэктъ возбуждалъ оппозицію депутатовъ, депутатамъ говорилось, что такова личная воля императора, и что Франція осудитъ ихъ за то. Въ теченіе десяти лѣтъ это было сдѣлано сто разъ (хотя и безъ такой огласки, какъ теперь), и всегда удавалось. Теперь не удалось. Вотъ и все. Но отчего же не удалось? Обстоятельства не тѣ. Что не тѣ они, могъ видѣть императоръ французовъ ужъ изъ представлявшей ему надобности дать дѣлу огласку, какой не нужно было прежде. Бывало, достаточны были конфиденціальныя внушенія депутатамъ черезъ графа Морни. Внушенія были сдѣланы, и не подѣйствовали. Оставалось прибѣгнуть къ мѣрѣ болѣе сильной,—къ печатному письму. Но какъ же было не рассчитать, что если огласка дастъ больше важности обороту, то она же и отнимаетъ у него всякій шансъ успѣха? Вѣдь тутъ повиновеніе депутатовъ было бы понято всею публикою какъ слѣдствіе страха. Публичность отрубывала имъ путь отступленія, и они превратились въ леонидовыхъ спартацевъ: «умремъ, дескать, но не отступимъ», т. е. въ переводѣ: «подвергнемся случайностямъ новыхъ выборовъ, возможности потерять мѣста и жалованье, но не можемъ же мы формально выставить себя передъ всею Франціею людьми, не имѣющими

никакой самостоятельности». Помните «Утро дѣловаго человѣка», какъ тамъ у Гоголя разсуждаетъ Иванъ Петровичъ съ Александромъ Ивановичемъ:

«Алекс. Иван. Такъ вамъ чины, можно сказать, потомъ и кровью достались.

«Ив. Петр. (*вздыхнувъ*). Именно, потомъ и кровью. Чтожь будете дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ донскивался? У меня бы мѣста на груди не осталось для орденовъ. Но что прикажете! не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя... Нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ безпрестанно... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу узнаться, но до подлости никогда!»

Но это все посторонній анекдотъ изъ нашихъ нравовъ, а настоящее дѣло шло во Франціи такимъ манеромъ. Правительство было очень удивлено, что депутаты упорствуютъ, хотя само укрѣпило ихъ въ упорствѣ слишкомъ крутою мѣрою внушенія, не разсчитанною по обстоятельствамъ. Оно рѣшилось распустить законодательный корпусъ и предписать новые выборы. Но префекты и другіе полицейскіе начальники, обязанные разузнавать о настроеніи умовъ, донесли изъ всѣхъ концовъ Франціи одно и то же: при нынѣшнемъ, дескать, затруднительномъ положеніи обстоятельствъ и неблагонамѣренномъ настроеніи общественнаго мнѣнія, выборы были бы неблагопріятны правительству. И такъ оказалось, что не слѣдуетъ распускать нынѣшняго законодательнаго корпуса, и пришлось правительству уступить.

Хотите ли видѣть другое доказательство? Оно дано преніями объ адресѣ. Размышленія о нихъ мы представимъ послѣ. Сначала попросимъ васъ прочесть голый и сухой отчетъ объ этихъ преніяхъ, составленный самимъ графомъ Мори и напечатанный въ «Монитерѣ».

Едва ли нужно напоминать, что въ концѣ 1860 г. уже почувствовалась во Франціи надобность сдѣлать что нибудь въ пользу расширенія правъ законодательной власти и что это было сдѣлано декретомъ 24 ноября того года. Онъ между прочимъ возвратилъ депутатамъ право, которымъ они пользовались при прежнемъ конституціонномъ порядкѣ: представлять правительству свои замѣчанія относительно общей политики и требованія о томъ, въ какомъ смыслѣ надобно измѣнить или общій духъ ея, или ту или другую отрасль. Средствомъ къ этому былъ при конституціонномъ порядкѣ адресъ, служившій отвѣтомъ на тронную рѣчь. Итакъ, законодательному корпусу съ прошлой зимы дано право представлять императору адреса.

Далѣе, читатель знаетъ, что въ нынѣшнемъ законодательномъ корпусѣ находятся пять членовъ, не раздѣляющихъ приверженности всего остальнаго собранія къ нынѣшней системѣ. Когда проектъ адреса былъ написанъ избранною для того коммисіею, эти пять членовъ предложили сдѣлать въ немъ измѣненія, — конечно не въ надеждѣ, что ихъ мнѣніе будетъ принято законодательнымъ корпусомъ, а только для того, чтобы формально заявить свой взглядъ и развитъ его въ преніяхъ, которыя будутъ прочтены всею Франціею. — Изъ измѣненій, предложенныхъ пятью оппозиціонными членами, самое важное относится къ первому параграфу проекта, излагающему одобреніе общей политики правительства законодательнымъ корпусомъ. Теперь приводимъ самыя пренія въ точномъ переводѣ изъ официальнаго отчета о нихъ:

«Измѣненіе въ первой статьѣ проекта адреса законодательнаго корпуса, предложенное пятью оппозиціонными членами, и пренія о немъ.

«Измѣненіе, предложенное гг. Жюлемъ Фавромъ, Энономъ, Даримономъ, Пикаромъ и Эмилемъ Оливье:

«Общественное довѣріе можетъ возродиться только искреннимъ возвращеніемъ къ системѣ свободы;

«Журналистика должна перестать быть монополіею;

«Выборы, дѣлаемые избирателями, а не префектами, съ правомъ собраній и съ равными шансами публичности и охраненія избирательной свободы каждаго;

«Муниципальная власть, назначаемая общиною, а не правительствомъ.

«Личная свобода, ограждаемая совокупностью мѣръ, первую изъ которой должно быть отмѣненіе закона всеобщей безопасности.

«Таковы главные условія политики, опирающейся на принципы 1789 г.

«Такова реформа, повелительно требуемая нравственными интересами страны, ея достоинствомъ, развитіемъ ея дѣятельности и ея богатства, и не могущая быть отстрочиваема безъ того, чтобы Франція не стала въ положеніе, униженное передъ другими націями».

«Засѣданіе 7 марта.

«Рѣчь Пикара.

«Знаменитый министръ финансовъ сказалъ нѣкогда: «пусть будетъ у васъ хороша политика, и финансы будутъ у меня хороши». Когда разразились въ «Монитерѣ» признанія, заключавшіяся въ докладѣ г. Фульда, что финансовое положеніе очень дурно. первую мысль общества былъ вопросъ: не связано ли оно съ политическимъ положеніемъ? Основательные наблюдатели понимали, что открытое теперь зло, финансовое разстройство, значительные дефициты,—все это ничтожно сравнительно съ нравственнымъ зломъ, которому уже давно подвергаетъ страну наша бѣдственная политическая система (въ палатѣ ропотъ).

«Съ этимъ чувствомъ я требую права разъяснить отношенія, породившія эту систему. Мы перечисляемъ ихъ въ измѣненіи, прочитанномъ вамъ. Они связаны съ отношеніемъ, которое господствуетъ надъ всѣми остальными. Я говорю о положеніи журналистики.

«Она служитъ всяческимъ интересамъ, даже личнымъ интересамъ.

«Напримѣръ, вы принимаете извѣстный законъ,—положимъ, о замѣнѣ 4¹/₂% облигацій государственнаго долга 3%—ми. Правительство, связывая журналистику, пользуется этимъ закономъ для личныхъ выгодъ. Министры пишутъ префектамъ, префекты говорятъ всѣмъ официальнымъ лицамъ: удерживайте отъ продажи 4¹/₂% облигацій, чтобы не было возможности сдѣлать съ ними ничего, кромѣ какъ обмѣнять ихъ на 3%-я. У меня въ рукахъ находятся такіе циркуляры.

«Когда г. Миресь выпускалъ облигаціи римскаго займа и акціи римскихъ желѣзныхъ дорогъ, одна газета хотѣла разсмотрѣть достоинство этихъ бумагъ. Ее официально попросили молчать. Спрашиваю: можетъ ли что нибудь быть ненормальнѣе такихъ фактовъ для правительства и для законовъ о журналистикѣ? Когда истина противна чьей нибудь выгодѣ, она подавляется (многіе члены восклицаютъ: нѣтъ, нѣтъ, вы преувеличиваете). Повторяю; положеніе дѣлъ очень бѣдственно и унижительно. Я не могъ безъ глубокой печали слышать сказанныя въ сенатѣ слова, противъ которыхъ нечего было возразить: «въ Австріи больше свободы печатному слову, чѣмъ во Франціи» (въ палатѣ шумъ). Вотъ каково, повторяю вамъ, положеніе журналистики. Въ одной изъ провинціальныхъ газетъ я прочелъ слова: «сановникъ имѣетъ право получать жалованье нежеденѣбно по одной похвальной статьѣ въ газетахъ».

«Засѣданіе 8 марта.

«Рѣчь Пикара.

«Вчера я хотѣлъ прямо поставить важные вопросы, возбуждаемые нашимъ измѣненіемъ. Я старался показать, какъ журналистика лишена свободы механизмомъ нынѣшняго законодательства, и какъ эта система сдѣлала журналистику настоящимъ монополомъ правительства самого съ собою.

«Президентъ. Приглашаю г. Пикара выражаться прилично.

«Пикарь. Я полагаю, г. президентъ, что выражаюсь прилично.

«Президентъ. Я не позволю вамъ въ этой палатѣ нападать на основные законы страны, говорить, что какой нибудь существующій законъ униженъ для страны. Вы можете подвергать критикѣ политику и распоряженія правительства, но не можете говорить о существующемъ законѣ, что онъ униженъ для Франціи. Здѣсь дѣло идетъ объ уваженіи къ существующему порядку, и я могу напомнить вамъ о причинахъ.

«Пикарь. Я не раздѣляю вашего мнѣнія.

«Президентъ. Продолжайте вашу рѣчь.

«Пикарь. Возвращаясь къ вопросу, мною разсматриваемому: онъ состоитъ въ томъ, какому суду должны подлежать дѣла журналистики. Я говорю: суду присяжныхъ. Почему же судъ присяжныхъ натураленъ въ дѣлахъ печатнаго слова? Во-первыхъ, потому, что проступки по нимъ не могутъ быть опредѣлены точнымъ образомъ, и разсуждать о нихъ не могутъ другіе суды, обязанные только прилагать точные законы къ точно опредѣленнымъ случаямъ.

«Другая причина та, что правительственные суды сами желаютъ, чтобы ихъ избавили отъ страшной обязанности судить дѣла журналистики; они бываютъ смущены, когда судятъ такое дѣло; они сами сознаютъ, что не компетентны въ этихъ дѣлахъ, въ которыхъ компетентенъ судъ присяжныхъ». (Послѣ этого Пикарь говоритъ о свободѣ выборовъ и о независимости общиннаго управленія, затѣмъ переходитъ къ вопросу о личной свободѣ).

«Пикарь. Что такое личная свобода? Обезпеченность лица въ томъ, что оно будетъ судиться по законамъ своей страны. Существуютъ ли эти гарантии? Правительство можетъ арестовать и осудить на заключеніе отъ одного мѣсяца до одного года всякое лицо, ведущее интриги, враждебныя правительству, и имѣющее преступныя сношенія внутри страны или заграницею. По этому праву оно можетъ у каждаго гражданина потребовать отвѣта на вопросъ: «не имѣете ли вы преступныхъ сношеній съ кѣмъ нибудь?» Возможно ли подозрѣваемому доказать противное?» (Ропотъ). «Господа, я не понимаю этого ропота на мои слова противъ закона. Доказать противное тутъ невозможно, потому что обвиненіе неопредѣленно. Президентъ законодательнаго корпуса черезъ г. вице-президента Шнейдера сказалъ, что коммиссія, составившая проэктъ адреса, нашла наше измѣненіе противорѣчащимъ общей политикѣ правительства.

«Шнейдеръ. Я говорилъ только о политикѣ большинства палаты.

«Пикарь. Политика этого большинства—политика правительства. и я очень жалю о томъ и о другомъ» (Ропотъ). «Я вамъ объясню, почему жалю. Франція не хотѣла бы подвергаться новой революціи (многочисленные голоса: правда, правда, не хотимъ). «Не хотите, а дѣлаете все, что нужно, чтобы привести революцію» (продолжительный шумъ). «Правительство само опровергаетъ себя» (Новый шумъ).

«Президентъ. Чѣмъ же?

«Пикарь. Тѣмъ, что начало дѣлать въ послѣднее время.

«Президентъ. Объясните это.

«Пикарь. Объясню, если вы дадите мнѣ объяснить.

«Президентъ. Объясните; иначе было бы слишкомъ легко отказываться отъ объясненій.

«Пикарь. Я отказываюсь отъ объясненій; потому что не имѣлъ бы въ нихъ свободы (Шумъ).

«Президентъ. Однакоже, г. Пикарь...

«Пикарь. Я такъ хорошо понимаю, что былъ бы тутъ связанъ, что не хочу и начинать рѣчи объ этомъ.

«Президентъ. Это—преніе, невозможное въ нашей палатѣ.

«Пикарь. Вы говорите правду.

«Президентъ. Ваша партія имѣла власть и возбудила противъ себя неудовольствие, отнявшее у нея власть.

«Эмиль Олливе. Вы также теряли власть: первая имперія пала.

«Барошъ (министръ). Развѣ первая имперія была низвергнута націю?

«Пикарь. Я вамъ скажу...

«Президентъ. Это—преніе невозможное. Въ интересѣ общества я не могу допустить его продолженія. Замѣчу только, что когда вы сказали, что правительство само опровергаетъ себя, вы были несправедливы; я могъ бы прибавить, что вы поступаете съ правительствомъ невеликодушно,—если можно такъ выразиться. Вы невеликодушны къ нему, потому что чѣмъ больше оно обезоруживаетъ себя, тѣмъ больше вы на него нападаете, вмѣсто того, чтобы съ умѣренностью пользоваться свободой, которую оно даетъ странѣ.

«Пикарь. Я не принимаю упрека, сдѣланнаго моею партію, моимъ принципамъ. И чту безкорыстіе и величіе людей, имѣвшихъ власть въ эпоху, о которой упомянулъ г. президентъ. Но возвратимся къ настоящему. Вы утверждаете, что вы—нація свободная, а г. Буркне, сенаторъ и бывший посланникъ, говоритъ сенату, что въ Австріи больше свободы, чѣмъ во Франціи. Съ печалью слышу я, господа, что Франція не только не свободна, но что ее называютъ недостойною свободой.

«(Барошъ, президентъ государственнаго совѣта и министръ безъ портфеля, отвѣчаетъ на рѣчь Пикара. Послѣ Бароша встаетъ Жюль Фавръ).

«Рѣчь Жюля Фавра.

«Обстоятельства, въ которыхъ ведутся пренія палаты, очень важны. Я скоро займусь разсмотрѣніемъ границъ власти палаты, а теперь скажу вещь, противъ которой никто не можетъ спорить: слова, произносимыя здѣсь, слышать и судить вся Франція. Скоро она будетъ призвана посредствомъ выборовъ дать свое одобреніе или выразить порицаніе политикѣ, которую постоянно поддерживала эта палата. Потому небезполезно будетъ разсмотрѣть вопросы, возбуждаемые внутреннимъ положеніемъ Франціи.

«Сейчасъ г. президентъ государственнаго совѣта говорилъ вамъ, что наши исправленія должны считаться программой, выставляемою противъ официальной редакціи адреса (Сильный шумъ).

«Президентъ. Что называете вы официальной редакціей адреса?

«Эмиль Олливе. Г. президентъ, не мѣшайте же говорить! (Шумъ).

«Президентъ (къ Эмилю Олливе). Вы не имѣете права давать мнѣ приказанія. Я не допускаю вашего вмѣшательства. Я спрашиваю у г. Жюля Фавра, что онъ разумѣетъ подъ словами: официальная редакція адреса?

«Жюль Фавръ. Разумѣю официальную редакцію комиссіи (Шумъ).

«Президентъ. Вѣроятно вы находите это объясненіе очень простымъ? Но я знаю, и вы сами знаете, что такое хотѣли вы сказать словами: официальная редакція адреса.

«Жюль Фавръ. Если я буду прерываюмъ каждую минуту, я прекращаю рѣчь. Вы, г. президентъ,—конечно невольно,—отнимаете у меня свободу мыслей (Шумъ). Я отказываюся отъ слова (Садится).

«Президентъ. Я никогда не отнималъ у васъ слова, никогда не стѣснялъ свободы пренія. Вы придаете дѣлу оборотъ не искренній.

«Жюль Фавръ. Я не позволю вамъ, г. президентъ, приписывать мнѣ неискренность.

«Президентъ, Обращаюсь къ суду палаты. Проницательность ся поняла смыслъ употребленныхъ вами словъ. Я имѣлъ право остановить васъ, потому что вы употребили выраженіе, намекавшее, что адресъ составленъ не столько комиссіею палаты, сколько правительствомъ (многочисленные голоса: вы правы, вы правы). Потому не прибѣгайте къ отговоркамъ.

«Жюль Фавръ. Я и не прибѣгать къ нимъ.

«Президентъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ: выраженіе «официальная редакція адреса» употреблено ораторомъ не столь искуснымъ, какъ вы, употреблено непредна-мѣренно. Серьезнѣйшимъ образомъ прошу васъ, г. Фавръ, продолжать вашу рѣчь.

«Жюль Фавръ. Наше положеніе въ этой палатѣ, господа, исполнено затрудненій. Повѣрьте, что не въ удовольствіе себѣ мы остаемся въ немъ, и что только чувство обязанности удерживаетъ насъ въ немъ. Возвращаюсь къ замѣчаніямъ, которыя были начаты мною.

«Въ послѣднія десять лѣтъ произошли важныя факты. Особенно важны два. Первый изъ нихъ—декретъ 24 ноября 1860 г. (возвратившій законодательному корпусу право, чтобы его пренія печатались). Какъ назвать этотъ декретъ? Удержусь отъ опредѣленій.

«24 ноября 1861 г. произошелъ другой фактъ, также имѣющій свое значеніе. Говорю о письмѣ, которымъ императоръ призывалъ г. Фульда въ министры финансовъ, и о докладѣ, напечатанномъ г. Фульдомъ. Всѣмъ извѣстно, какіе дефициты были засвидѣтельствованы этимъ докладомъ».

Съ холодной исторической точки зрѣнія, отъ которой мы никогда ни на шагъ не отступали, самая важная часть переведенныхъ нами страницъ отчета заключается не въ содержаніи рѣчей Пикара и Жюля Фавра; замѣчателенъ способъ обращенія графа Морин, представителя правительства и палаты, съ оппозиціонными депутатами. Не понравится ему какое-нибудь колкое выраженіе, онъ останавливаетъ оратора; прежде такъ и кончалось дѣло: ораторъ чувствовалъ себя принужденнымъ смириться и поправлялъ свою фразу; теперь не то: поднимается длинный споръ, и оппозиціонные депутаты наступаютъ, тѣснятъ президента, онъ и вся палата чувствуютъ себя неловко, и побѣда остается за оппозиціоннымъ ораторомъ: онъ торжественно повторяетъ колкую фразу и продолжаетъ въ томъ же тонѣ; а между тѣмъ въ палатѣ только пятеро оппозиціонныхъ депутатовъ; голоса ихъ не имѣютъ никакого вѣса при вотированіи; въ самой палатѣ оппозиція ихъ формальнымъ образомъ совершенно ничтожна. Такъ ее и третировали еще года полтора тому назадъ. А вотъ теперь не то: когда Жюль Фавръ сказалъ: «не перерывайте меня, или я замолчу», президентъ сталъ успокоивать его; Жюль Фавръ повторилъ: «я прекращаю рѣчь» и сѣлъ,—президентъ сталъ просить, «серьезно просить» его продолжать говорить, и Жюль Фавръ, возобновляя рѣчь, становился въ такое положеніе, что я, дескать, говорю здѣсь въ палатѣ только изъ снисходительности.

Справка о расположеніи умовъ, наведенная правительствомъ по поводу упрямства палаты въ дѣлѣ о пенсіи Монтобана, обнаружила, каковъ будетъ ходъ фактовъ, если не будетъ онъ ускоренъ чрезвычайными случайностями. Нынѣшній законодательный корпусъ засѣдаетъ послѣдній годъ. На слѣдующую зиму должны будутъ собраться новые депутаты, выборы которыхъ должны проходить въ концѣ нынѣшняго и въ началѣ слѣдующаго года. Префекты объявили, что выборы будутъ неблагоприятны нынѣшней системѣ. И такъ на слѣдующую зиму произойдетъ формальное столкновеніе нынѣшней системы съ общественнымъ мнѣніемъ въ ея представителяхъ, депутатахъ, если не произой-

дѣтъ оно инымъ путемъ. Это не мы говоримъ,—это выходитъ изъ свѣдѣній, собранныхъ самимъ правительствомъ и до того убѣдительныхъ, что оно само измѣнило по нимъ свои отношенія къ законодательному корпусу въ спорѣ о пенсіи генералу Монтобану.

Споръ этотъ по своему предмету совершенно ничтоженъ, неважны сами по себѣ и рѣчи оппозиціонныхъ депутатовъ въ преніяхъ объ адресѣ, но характеристичны эти случаи для опредѣленія конца, къ которому идутъ дѣла.

Такой опредѣленности нѣтъ въ перемѣнѣ рукъ, управляющихъ Италією. Трудно даже разобрать, выгоду или невыгоду для національнаго дѣла надобно видѣть въ этой перемѣнѣ. По общему цвѣту своихъ убѣжденій Раттацци долженъ бы быть министромъ, болѣе полезнымъ для Италіи, чѣмъ его предшественникъ. Рикасоли былъ человѣкъ, совершенно спутанный крайнимъ консерватизмомъ, и при немъ итальянское правительство не могло ни вступить въ прямую связь съ энергическими элементами итальянской націи, ни пользоваться ими какъ бы то ни было. Раттацци имѣетъ взглядъ, нѣсколько болѣе широкій, и понимаетъ важность живыхъ силъ. Онъ былъ не въ дурныхъ отношеніяхъ съ Гарибальди, всегда считалъ нужнымъ поддерживать связи съ популярными людьми. Говорятъ, онъ уже видѣлся съ Гарибальди по своему вступленіи въ министерство и вступилъ въ переговоры съ передовою партією. Это все такъ. Но слишкомъ сомнительный оттѣнокъ на его способность къ твердому дѣйствованію набрасывается главнымъ изъ тѣхъ отношеній, отъ которыхъ палеъ Рикасоли. Французское правительство было недовольно суровымъ высокомѣріемъ прежняго министра. Рикасоли не былъ охотникъ идти впередъ, но относительно самостоятельности въ приобрѣтенномъ положеніи былъ неуступчивъ. Парижскія полуоффиціальныя газеты съ конца прошлаго года, когда Раттацци ѣздилъ въ Парижъ, твердили, что онъ будетъ министромъ, болѣе полезнымъ для Италіи и болѣе пріятнымъ для императора французовъ, чѣмъ Рикасоли, на котораго онъ очень сердился. Извѣстно также, что и прямую причину удаленія Рикасоли было неумѣнье его ладить съ туйлерійскимъ вліяніемъ; всѣ другія причины были только предлогами, не имѣвшими существеннаго значенія. Изъ этого натурально возникаетъ предположеніе, что французское правительство надѣялось найти въ Раттацци человѣка болѣе послушнаго и рассчитывало, что легче можетъ обойти его, чѣмъ Рикасоли. И дѣйствительно, Раттацци называютъ непмѣющимъ ни твердаго характера, ни даже той не чрезвычайной даровитости, какая есть у Рикасоли. Очень можетъ быть, что онъ уже связанъ общаніями, данными въ Парижѣ. Впрочемъ при нынѣшнемъ состояніи австрійскихъ дѣлъ, ходъ событій въ Италіи зависитъ не столько отъ охоты правительства итальянскаго, сколько отъ приготовленности передовой партіи къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ австрійцевъ. Готова ли она къ нимъ, то есть уладился ли планъ общаго дѣйствованія итальянцевъ, венгровъ и проч.,—это мы посмотримъ; но, кажется, ничего окончательнаго еще не рѣшено. А впрочемъ, какъ тянуть. Вѣдь эти вещи держатся въ секретѣ, гораздо менѣе прозрачномъ, чѣмъ дипломатическія тайны.

Многіе упрекаютъ насъ въ отрицательномъ направленіи за то, что мы опровергаемъ нѣкоторыя мнѣнія, почти всѣми повторяемые безъ критики. Но справедливо ли называть отрицателемъ того, кто опирается на факты и при-

знаеть въ полной силѣ ихъ значеніе? Вотъ, напримѣръ, въ прошлый разъ говорили мы, что неосновательны нѣмецкіе и вообще западно-европейскіе либералы, считающіе Пруссію конституціоннымъ государствомъ. Пожалуй, это могло показаться отрицаніемъ. Но вотъ теперь, не больше какъ черезъ мѣсяцъ, явились факты, заставившіе прусскихъ, а за ними всѣхъ нѣмецкихъ, а за ними всѣхъ западно-европейскихъ либераловъ признаться, что ихъ мнѣніе о Пруссіи, какъ о государствѣ конституціонномъ, было неосновательно. А вѣдь мы это самое и говорили.

Теперь посмотримъ пока, какъ произошло разрушеніе ошибки либераловъ. Объ этомъ пусть разскажетъ намъ «Times».

«Прусская палата депутатовъ распущена королемъ. Это произвело большое волненіе не въ одной Пруссіи, но по всей Германіи. Поводъ къ разрыву кажется маловаженъ. Въ Пруссіи, какъ и во Франціи, министры, особенно военный министръ, переносили суммы, вотированныя палатою, съ одного предмета на другой. Бюджетъ вотировался какъ одно цѣлое, и министры считали себя въ правѣ дѣлать эти переносы суммъ изъ одной статьи въ другую. Пока не расходовалось въ общемъ итогъ большае вотированной цифры, пруссаки не претендовали на то, что деньги, вотированныя для покупки штучеровъ, обращались на покупку лошадей, или вмѣсто пуля покупался порохъ. Такъ было прежде. Но въ послѣднее время палата стала недовольна этимъ. Одинъ изъ депутатовъ предложилъ, чтобы каждая сумма расходовалась только на тотъ предметъ, на который вотирована. Министры объявили, что выйдутъ въ отставку, если предложеніе будетъ принято, но оно было принято 175 голосами противъ 130. Послѣ того начались совѣщанія между королемъ, наслѣднимъ принцемъ и министрами. Результатомъ было распущеніе палаты, и теперь скоро должны быть новые выборы, на которыхъ будетъ господствовать вопросъ о конституціонныхъ правахъ палаты депутатовъ.

«Трудно сказать, что король поступилъ разсчетливо. Говорятъ, что наслѣдный принцъ доказывалъ надобность уступить палатѣ, объясняя, что Пруссія теперь конституціонная монархія, и потому представителей націи надобно принимать за дѣйствительную власть. Уступая желанію депутатовъ, король приобрѣталъ бы популярность, т. е. упрочилъ бы за собою существенную власть. Онъ избралъ другой путь. Результатъ не можетъ быть сомнителенъ. Предсказанія наслѣднаго принца и министровъ навѣрное осуществятся. Принцъ и министры говорили, «что новые выборы только возвратятъ въ палату оппозиціонныхъ депутатовъ въ увеличенномъ числѣ и съ прибавкою людей болѣе рѣзкаго образа мыслей. Король любезною уступкою обратилъ бы неудовольствіе палаты въ энтузіазмъ. Министры хотѣли выйти въ отставку, уступая депутатамъ, и депутаты были бы тогда готовы дѣлать очень многое для государя, министры котораго уступили имъ. Но король прусскій не принялъ ихъ отставки. Онъ не заботится о расположеніи депутатовъ. Предводителей партій въ палатѣ онъ считаетъ своими врагами, людьми, которымъ онъ никогда не долженъ давать торжества. А между тѣмъ какой путь величія открылся бы ему, еслибы онъ держалъ себя иначе. Безъ особеннаго искусства, онъ могъ бы сдѣлаться господиномъ всей Германіи. Потребность единства такъ велика въ ней, что король прусскій вошелъ бы на императорскій престолъ, еслибы только объявилъ, что на самомъ дѣлѣ хочетъ быть конституціоннымъ государемъ».

Дѣло ясно даже для англичанъ, смотрящихъ на него издали. Министры хотѣли уступить палатѣ; но король не захотѣлъ. Но Times совершенно напрасно дѣлаетъ изъ этого факта заключеніе, будто король поступилъ нерассчетливо. Нѣтъ, король совершенно правъ и понимаетъ свои интересы гораздо вѣрнѣе своего непростеннаго англійскаго совѣтника. Но эту несправедливость

Times'a къ прусскому королю мы замѣчаемъ мимоходомъ, а намъ дѣло собственно только до прусскихъ либераловъ, справедливость которыхъ мы отрицаемъ. Не говоримъ уже о половинныхъ либералахъ, партія которыхъ въ прусской палатѣ называлась просто либеральною,—они двоедушничаютъ въ каждомъ словѣ. Посмотримъ, что говорятъ истые либералы прусской палаты, которые, въ отличіе отъ полулибераловъ, назвавшихся просто либералами, называли свою партію «прогрессивною». По распущеніи палаты эта партія обнародовала слѣдующій документъ, который украсила пышнымъ именемъ «воззванія»: вотъ уже и фальшь въ самомъ заглавіи: не годится титуловать громкимъ именемъ документецъ очень плохой. Но это опять мимоходомъ: важность не въ заглавіи, а въ содержаніи. Вотъ оно:

«Воззваніе центрального избирательнаго комитета нѣмецкой прогрессивной партіи.

«Либеральныя партіи нашего отечества были почти единодушно согласны относительно дѣлей политическаго стремленія, выставленныхъ нашею программою при прежнихъ выборахъ. Онѣ и теперь не отступаютъ отъ нихъ. Мы призывали тогда всѣхъ либеральныхъ людей къ соединенію противъ реакціонной партіи, и прошлогодніе выборы рѣшили дѣло противъ нея. Непримиримо противорѣча живымъ силамъ нашего времени, она никогда не будетъ управлять Пруссіею съ согласія прусскаго народа. Она—ничто, если она не опирается на искусственную поддержку со стороны правительства. Но надежды на энергическій прогрессъ, возникавшія изъ прошлогоднихъ выборовъ, не осуществились. Люди, каторымъ его величество, король, вѣрилъ правленіе, не могли стать въ согласіе съ палатою депутатовъ, которая готова была поддерживать всякій либеральный шагъ министерства. Обѣщанія реформъ, требуемыхъ духомъ времени, остаются неисполненными.

«При прошлогоднихъ выборахъ мы могли еще надѣяться, что министерство, соображаясь съ развивающимся сознаниемъ народа, приметъ болѣе рѣшительную политику. Теперь мы не можемъ надѣяться этого. Тѣмъ необходимѣе представителямъ націи охранять ея права.

«Правительство находитъ, что все должно рѣшаться только его волею, безъ всякаго вниманія къ представителямъ народа. Мы не хотѣли допустить этого. Министры распустили палату и апеллировали къ народу, чтобы онъ выразилъ свое мнѣніе новыми выборами. Мы надѣемся, что оно выразится очень опредѣленно».

Въ Сѣверной Америкѣ дѣла идутъ по видимому къ развязкѣ. Читатель знаетъ объ успѣхахъ, полученныхъ Союзомъ, и намъ довольно будетъ въ нѣсколькихъ словахъ напомнить связь событій, чтобы яснѣе былъ подробный рассказъ о важнѣйшемъ изъ этихъ дѣлъ, приводимый нами изъ New York Times'a на слѣдующихъ страницахъ.

Читатель помнитъ, каковъ былъ планъ сѣвернаго правительства, рассказанный нами въ прошлый разъ. Линія театра войны по сухопутной границѣ между Союзомъ и отдѣлившимися штатами тянется на 2,000 верстъ. Вблизи къ восточному концу этой линіи стоятъ главные силы обѣихъ сторонъ подъ Вашингтономъ. Сѣверное правительство рѣшило начать наступленіе съ западной части пограничной линіи. Въ ней значительныя силы обѣихъ сторонъ находились Кентукки и Теннесси. Наступленіе началось. Авангардъ сѣверной арміи подъ командою Гранта, имѣвшаго до 30 тысячъ человѣкъ, двинулся, очистивъ штатъ Кентукки, дальше на югозападъ по направленію къ Памбиллю, главному городу штата Теннесси, около котораго сосредоточивалась западная армія инсургентовъ. Авангардъ ея, имѣвшій до 25 тысячъ человѣкъ, занималъ

очень крѣпкую позицію въ огромномъ укрѣпленномъ лагерѣ, который названъ былъ фортомъ Доннелсономъ. Вотъ описаніе этой позиціи:

«Первое, чѣмъ поражены вы, вошедши въ фортъ Доннелсонъ, — чрезвычайная сила его. Фортъ Генри считается почти что Гибралтаромъ, но онъ слабъ въ сравненіи съ фортомъ Доннелсономъ. Рѣка Кемберлендъ течетъ почти прямо на сѣверъ. Вдругъ она дѣлаетъ изгибъ въ нѣсколько сотъ ярдовъ и потомъ опять течетъ въ прежнемъ направленіи. Въ этомъ изгибѣ на лѣвомъ берегу рѣки поставлены у самой воды двѣ батареи, имѣющія 12 очень тяжелыхъ орудій. Онѣ господствуютъ надъ рѣкою и прикрыты брустверами громадной толстоты. За этими батареями берегъ поднимается довольно крутымъ холмомъ до высоты около 100 футовъ надъ водою. Вершина этого холма — фортъ Доннелсонъ, окопы котораго обнимаютъ пространство около 100 акровъ (35 десятинъ). Мѣстность передъ фортомъ холмистая, покрытая лѣсомъ. На нѣсколько сотъ ярдовъ кругомъ форта онъ вырубленъ, чтобы свободно было дѣйствовать артиллеріи. Вокругъ всего форта, на милю разстоянія отъ него, идетъ траншея для стрѣлковъ, отъ рѣки до рѣки. На западъ отъ форта сдѣлана страшная засѣка, затрудняющая почти до невозможности подступъ съ этой стороны».

Авангардъ сѣверной арміи шелъ къ этому пункту по теченію рѣки. Вотъ рассказъ американской газеты New York Times'a объ этомъ походѣ и о взятіи форта Доннелсона:

«Генералъ Грантъ рѣшился сдѣлать атаку по двумъ направленіямъ, — съ земли — отъ форта Генри, а водою — съ рѣки Кемберленда; атакующимъ съ нея канонерскимъ лодкамъ должна была содѣйствовать колонна, двигавшаяся по берегу. По окончаніи приготовленій, водяная экспедиція (спустившись по Миссиссиппи до рѣки Огайо и потомъ поднявшись по Огайо) достигла устьи Кемберленда ночью, 12 февраля. Сцена была неописанно великолѣпна: ночь была тепла, какъ августовскій вечеръ на нашемъ сѣверѣ, на небѣ не было ни облачка, полный мѣсяцъ, сіяя, отражался на безчисленныхъ штыкахъ. Повременамъ клубы дыма являлись на парпетахъ двухъ фортовъ, стоящихъ на высотахъ надъ городомъ, и раскаты выстрѣловъ переливались эхомъ по холмамъ и возвращались шопотомъ отъ отдаленныхъ кентукійскихъ горъ. Оркестры лодокъ въ отвѣтъ очаровывали ухо краснорѣчивѣйшей музыкой, которая вмѣстѣ съ видомъ нарядныхъ дамъ, десятками прогуливавшихся по палубѣ, давала сценѣ характеръ какъ будто какого-то огромнаго бала; до того доходило сходство, что никто не удивился бы, еслибы вся толпа вдругъ понеслась вихремъ въ вальсъ или плавными движеніями кадрили. Уже послѣ полночи экспедиція снова пустилась въ путь и пошла медленно вверхъ по рѣкѣ. На слѣдующее утро, 13 февраля, она дошла до Эддивилля, маленькаго города на восточномъ берегу рѣки. Если заключать по демонстраціямъ людей, сошедшихся на берегъ смотрѣть на насъ, — итъ подъ солнцемъ города, болѣе преданнаго Союзу, чѣмъ Эддивилль. Женщины махали платками всѣхъ цвѣтовъ, фартуками, шляпками; мужчины — шляпами, и кричали: «ура Союзу» и «ура Линкольну» — до совершеннаго онѣмѣнія отъ хрипоты. Даже эддивилльскія собаки были вѣрны Союзу: лаяли и виляли хвостами въ патріотической радости при національномъ нашествіи. Но только въ одномъ человѣкѣ были признаки искренности. Старикъ съ бѣлоснѣжною головою стоялъ на берегу, опираясь на палку и съ наружною апатіею слѣдя за тѣмъ, какъ идутъ лодки, которыхъ не могъ онъ хорошенько разсмотрѣть своими меркнущими глазами. Случилось такъ, что на одной изъ лодокъ, въ то самое время, какъ она поравнялась съ нами, заиграли народную пѣсню Новой Англіи — Yankee Doodle. Звукъ ея какъ будто пробудили давно спавшія воспоминанія старика, — онъ сорвалъ съ себя шляпу и съ быстрымъ движеніемъ, отъ котораго разсыпались по воздуху его сѣдые волосы, три раза прокричалъ: «ура Союзу!» — Союзу, въ которомъ родился, которымъ были охраняемы и онъ, и его дѣти, и внуки. Экспедиція высадилась ниже форта и тутъ соединилась съ 20-тысячною колонною, которую велъ генералъ Грантъ изъ форта Генри. Онъ расположилъ свои силы полукругомъ около форта Доннелсона; оба фланга

его упирались въ рѣку. Занятіе позиціи было сдѣлано не безъ большихъ затрудненій. Пикеты и застрѣльщики непріятеля казались безчисленны, и каждую ложбину, каждый холмъ приходилось отнимать у нихъ съ боя. Но большаго урона мы не потерпѣли, и къ ночи совершенно втѣснили инсургентовъ въ ихъ укрѣпленныя линіи, а сами приохотились начать болѣе серьезную схватку на другой день. Въ 10 часовъ утра, отрядъ союзныхъ войскъ, состоявшій изъ 5-ти полковъ пѣхоты и 4-хъ батальоновъ артиллеріи (то есть около 5-ти тысячъ человѣкъ), двинулся къ скалистымъ холмамъ, которые занималъ непріятель. За 1,000 ярдовъ (за версту) отъ хребта нашъ отрядъ былъ встрѣченъ непріятелемъ въ большихъ силахъ и произошелъ упорный бой, главнымъ образомъ между стрѣлками и артиллеріей съ обѣихъ сторонъ. Непріятель постепенно отступалъ и черезъ часъ скрылся въ своихъ укрѣпленіяхъ; наши войска овладѣли грядою холмовъ, примыкающихъ къ оврагу, за которымъ находилась внѣшняя линія непріятельскихъ укрѣпленій. Между ними и холмами не больше 300 ярдовъ (150 саж.); они покрыты лѣсомъ и нѣсколько возвышаются надъ укрѣпленіями; поэтому были они прекрасною позиціею для нашихъ стрѣлковъ, не замедлившихъ воспользоваться ею. Они стрѣляли по инсургентамъ, выглядывавшимъ изъ-за парашета. Въ 11 часовъ мы сдѣлали второе движеніе. Три полка (около 2,500 человѣкъ), подъ командою полковника Моррисона, пошли скорымъ шагомъ въ оврагъ, чтобы штурмовать внѣшнія укрѣпленія. Достигнувъ дна ложбины, Моррисонъ былъ сбитъ съ лошади пулей. Видя, что командиръ упалъ и никто не занимаетъ его мѣста, солдаты поколебались и отступили на холмы въ стройномъ порядкѣ, но съ большою потерей. Послѣ того ходилъ штурмовать еще одинъ полкъ, но встрѣченный twice большею силою, долженъ былъ отступить послѣ отчаяннаго боя, продолжавшагося часъ. Пока велись эти атаки, подошла одѣтая желѣзомъ канонирская лодка «Карондлетъ» и вступила въ бой съ непріятельскими баттарейми; она пустила въ нихъ 102 выстрѣла и долго не страдала отъ страшнаго непріятельскаго огня, пока наконецъ 128 фунтовое ядро, ударивъ въ одинъ изъ люковъ и ранивъ 8 человѣкъ, зашло въ мѣшкахъ съ каменнымъ углемъ, прикрывавшихъ котлы. Это заставило лодку отойти. Ночью войска сильно страдали отъ холода. Днемъ, 14 числа, погода была прекрасная, и мы могли разсмотрѣть непріятельскую позицію. Мѣстность около форта идетъ въ гору, покрыта густымъ лѣсомъ и перерѣзана частыми оврагами, скалистыя стѣны которыхъ почти отнимаютъ возможность перехода. Самый фортъ стоитъ на высокомъ утѣсѣ, отлого спускающемся съ другой стороны къ рѣкѣ; онъ вышиною вѣроятно не меньше 100 футовъ. Вершина его искусственно выровнена на протяженіи мили, и на этомъ выровненномъ мѣстѣ стоитъ фортъ, укрѣпленія котораго занимаютъ все это мѣсто. Передъ скалою тянется неглубокій ровъ, а за нимъ гряда холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ; гряда перерѣзана ложбинами ручьевъ. Въ этотъ день подошла къ фортамъ вся наша эскадра, состоявшая изъ четырехъ одѣтыхъ желѣзомъ и трехъ простыхъ канонирскихъ лодокъ; желѣзныя вышли впередъ, простые остановились далеко позади ихъ. Одѣтые желѣзомъ лодки начали бомбардировать фортъ съ разстоянія мили (около 1½ версты). Сначала грохотъ выстрѣловъ не прерывался ни на минуту, — такъ они были часты, и шелъ непрерывный стукъ отъ падающихъ снарядовъ. Черезъ полчаса огонь форта началъ слабѣть, и черезъ нѣсколько времени остались стрѣляющими въ немъ только три пушки, — остальные, какъ видно, были сбиты нашими выстрѣлами. Наши лодки, постепенно подвигаясь ближе къ форту, были отъ него только уже на 400 ярдовъ (175 саж.) и готовились стрѣлять картечью, когда непріятельское ядро разбило рулевой снарядъ на одной изъ лодокъ. Лодкою нельзя стало править, и она должна была удалиться; за нею отступили на прежнюю позицію и другія лодки, сильно поврежденныя. Ночью поврежденія были исправлены. 15-го числа, передъ разсвѣтомъ, непріятель сдѣлалъ вылазку въ числѣ 3,000 человѣкъ, съ 12-ю баттарейми артиллеріи; онъ горячо бросился на 2 наши полка, стоявшіе на крайнемъ правомъ флангѣ. Этотъ отрядъ твердо держался, потомъ сталъ отступать; на выручку ему пришли два другіе полка и задержали непріятеля. Скоро подошли еще свѣжія войска съ обѣихъ сторонъ, и оной принялъ страшные размѣры. Одна изъ нашихъ баттарей стала на возвышеніи, и цѣлыхъ четыре часа ни на одинъ мигъ не замолкала ея тяжелыя пушки,

24-хъ фунтоваго калибра. Все это время она подвергалась сильному огню непріятельской артиллеріи, занявшей холмы, возвышавшіеся надъ ея позиціей. Нѣсколько и другихъ нашихъ баттарей были въ дѣлѣ. То наши, то непріятельскія войска, то наступали, то отступали. Битва была продолжительна и отчаянна. То подвигалась она по холмамъ, то спускалась въ овраги,—и все это было въ лѣсу. Люди становились за деревьями, обломками скаль, и все сраженіе пѣхотныхъ войскъ имѣло характеръ схватки застрѣльщиковъ. Одинъ изъ нашихъ полковъ, стоявшій на крайнемъ правомъ флангѣ, былъ атакованъ роємъ непріятеля съ такою живостью, что разстроился и бѣжалъ въ безпорядкѣ; съ другой стороны мы были атакованы такимъ превосходнымъ числомъ, что наша линія разорвалась, и сраженіе казалось близко къ совершенному проигрышу для насъ. Въ это разорванное мѣсто обратила свою картечь наша баттарей, занимавшая холмъ, и выпустила всѣ, до послѣдняго, свои заряды, удерживая непріятеля. Напрасно командиръ ея ждалъ подкрѣпенія. Въ тотъ самый мигъ, когда она истощила всѣ свои заряды, около 10 часовъ утра, сильный отрядъ непріятеля приблизился къ ней подъ закрытіемъ холмовъ и лѣса и открылъ по ней штуцерный огонь съ разстоянія 200 ярдовъ (менѣе 100 саж.). Всѣ пушки были подбиты, кромѣ одной; въ нее запрягли 6 лошадей, но орудіе было такъ тяжело, а грязь—такъ глубока, что, протаскивъ пушку съ полмили, увидѣли невозможность увести ее, и должны были бросить. Всѣ орудія баттарей достались непріятелю. Но черезъ нѣсколько времени страшная атака нашихъ войскъ отбѣсила его съ этого мѣста, разрывъ нашей линіи былъ опять наполненъ войсками и потерянные пушки были возвращены. Бой длился до самаго полудня и кончился тѣмъ, что непріятель былъ отбѣсненъ обратно въ его окопы. Поле битвы было миля двѣ въ длину (болѣе 3 верстъ), и каждый клочокъ земли былъ тутъ ареною ожесточенной схватки. Инсургенты сражались съ самою непоколебимою храбростью и, повидимому, хотѣли во что бы то ни стало пробиться чрезъ правое наше крыло. Они лились на наши позиціи, какъ наводненіе, и нужна была храбрость равная съ ними нашимъ солдатамъ, чтобы устоять противъ ихъ бурнаго прилива, и наконецъ, отбѣснить его въ прежнія границы. Наши войска сражались геройски. Не прерываясь ни на минуту, сыпался на насъ градъ ядеръ, бомбъ и картечи, а тысячи непріятельскихъ стрѣлковъ цукали пули изъ-за каждаго дерева, куста и камни. Грохотъ битвы походилъ на ревъ бури, несущейся черезъ валимый ею лѣсъ. Побѣда досталась намъ дорого. Нѣкоторые полки были совершенно истреблены. Пропорція убитыхъ офицеровъ ужасна. Раненыхъ у насъ очень много, но раны большею частію легкія. Едва покончилось дѣло на правомъ флангѣ, какъ началъ атаку нашъ лѣвый флангъ, подъ командою генерала Смита. Передъ нимъ былъ вѣншій рядъ непріятельскихъ укрѣпленій, мы рѣшились штурмовать его. Въ третьемъ часу дня двинулась густая цѣпь застрѣльщиковъ, черезъ часъ одинъ изъ нашихъ полковъ бросился въ атаку на непріятельскій брустверь, штурмовалъ его въ штыки съ разбѣгу, и съ потресающимъ крикомъ утвердился на немъ. Онъ былъ поддержанъ другими полками. Инсургенты были сбиты съ первой линіи своихъ укрѣпленій и загнаны за вторую. Скоро были заставлены замолчать ихъ баттарей. Тѣмъ кончился кровопролитѣйшій день этой осады. Въ нынѣшнюю войну не было еще битвы, болѣе упорной, и никогда еще не было у нашихъ войскъ такой увѣренности въ успѣхъ. Никто не сомнѣвался въ немъ подъ самымъ жестокимъ огнемъ.

«На слѣдующее утро, 16 числа, инсургенты прислали сказать, что они сдаются. Генераль Бекнеръ, командиръ ихъ, просилъ перемирія до полудня, говоря, что къ тому времени могутъ уладиться условія сдачи форта. Генераль Грантъ требовалъ безусловной сдачи; инсургенты согласились».

Число взятыхъ тутъ въ плѣнъ инсурентовъ простиралось, какъ знаетъ читатель, до 15,000 человекъ. Но еще сильнѣе нравственный уронъ, испытанный инсургентами. Потерявъ свой авангардъ, западная ихъ армія, стоявшая у Нашвилли, безъ боя отступила на югъ, и сѣверная войска заняли столицу штата Теннесси.

ПОЛИТИКА.

Мартъ 1862.

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА.—ДѢЛО ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ПАРЛАМЕНТѢ О ДЕРЕВЯННЫХЪ КОРАБЛЯХЪ
И КАМЕННЫХЪ ПРИБРЕЖНЫХЪ УКРѢПЛЕНИЯХЪ. — ПРУССКІЯ ДѢЛА.

Счастье до сихъ поръ благоприятствуетъ войскамъ сѣверо-американскаго Союза: на всѣхъ пунктахъ они тѣснятъ инсургентовъ, и если война еще два-три мѣсяца пойдетъ такимъ же образомъ, южные штаты должны будутъ безусловно смириться и возвратиться въ прежній Союзъ безъ всякихъ условій. Военныхъ дѣйствій мы не будемъ рассказывать въ подробности, потому что каждое изъ нихъ въ отдѣльности не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, за исключеніемъ одной морской битвы, совершенно новой въ своемъ родѣ, о которой надобно будетъ и намъ поговорить вслѣдъ за газетами. Но эта морская битва важна только съ технической стороны для соображеній о томъ, изъ какихъ кораблей должны отнынѣ состоять военные флоты. На ходъ событій въ войнѣ между Союзомъ и инсургентами она не имѣла никакого вліянія, а сухопутныя дѣла, опредѣлявшія ходъ войны, до сихъ поръ не заключали въ себѣ ничего особеннаго. Большихъ битвъ еще не было. Происходили схватки между отрядами, которые охватываютъ теперь двойною цѣпью всю окрестность отдѣлившихся штатовъ, составляя неправильный овалъ, длина котораго тысячи двѣ версты, а ширина тысячи полторы. Сѣверныя войска, собиравшіяся вдоль всей сѣверной границы южныхъ штатовъ по линіи, имѣвшей около трехъ тысячъ верстъ, начали крайнимъ западнымъ своимъ крыломъ загибаться на югъ по долинѣ Миссиссиппи, такъ что сухопутные марши ихъ идутъ теперь съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ. А съ лѣваго восточнаго крыла ихъ все посылаются моремъ отряды на атлантическій берегъ и на мексиканскій берегъ южныхъ штатовъ, такъ что этими десантами занято теперь множество пунктовъ восточной и южной границы. Безпрестанно получая подкрѣпленіе, эти высадившіеся отряды подвигаются во-внутрь страны. Соотвѣтственно такой круговой атакѣ растянулись полной окружностью и войска инсургентовъ, сосредоточившіеся

прежде по сѣверной границѣ. Вездѣ сѣверныя войска до сихъ поръ оказывались или многочисленнѣе, или лучше, такъ-что пнсургенты отступаютъ на всѣхъ пунктахъ. Кругъ постепенно сжимается, и критическій моментъ войны настанетъ вѣроятно тогда, когда кругъ этотъ сожмется до діаметра, довольно уже незначительнаго. Южныя войска будутъ имѣть тогда выгоду сосредоточеннаго расположенія, въ родѣ того, какимъ пользовался Фридрихъ II-й въ Семилѣтною войну. Эта выгода вѣроятно ободритъ ихъ поступить такъ, какъ дѣйствовалъ тогда Фридрихъ II-й: оставивъ только наблюдательныя отряды по всѣмъ другимъ сторонамъ круга, ринуться почти всѣми силами въ одну его сторону, чтобы дать рѣшительную битву одной изъ окружающихъ армій.

Но что будетъ, то еще будетъ, а теперь пока положеніе дѣлъ таково. Мѣсяца четыре тому назадъ, театромъ войны были только такъ-называемые пограничныя штаты: Виргинія, Кентукки и Миссурі. За оплотомъ своихъ армій, стоявшихъ по этой линіи въ числѣ отъ 350 до 400 тысячъ, остальные южныя штаты пользовались безопасностью. Теперь ихъ войска вытѣснены изъ пограничныхъ штатовъ западной половины этой прежней границы,—не только изъ Миссурі и Кентукки, но также почти изъ всего штата Теннесси, лежащаго на югъ отъ Кентукки. Это въ центрѣ сѣверной линіи; а на крайнемъ западѣ сѣверныя войска также вторглись изъ Миссурі далѣе на югъ въ Арканзасъ; такъ что теперь линія войны съ сѣвера вошла на сѣверозападъ уже въ хлопчатобумажные штаты, которые собственно и подняли возстаніе: сѣверныя войска съ сѣверо-запада проникли кромѣ Арканзаса въ штатъ Миссиссиппи и въ штатъ Алабаму. Съ юга они своими десантными отрядами захватили почти всю Флориду и заняли береговую линію штатовъ Георгіи, Южной Каролины и Сѣверной Каролины. Не осталось уже ни одного изъ отпавшихъ штатовъ, въ который не вошла бы война. Но главныя силы обѣихъ сторонъ остаются по прежнему на сѣверо-западной и въ особенности на сѣверо-восточной сторонахъ театра войны. Арміи, стоявшія во все продолженіе военнаго времени по берегамъ Потомака, остаются главными арміями. Тутъ отступленіе пнсургентовъ происходитъ медленнѣе, чѣмъ на сѣверо-западѣ. Отчего эта разница? Мнѣнія очень различны. По увѣренію главнокомандующаго союзною потомакскою арміею, Макъ-Клеелана, тутъ нельзя было начинать наступленія раньше, чѣмъ онъ сдѣлалъ. До января онъ ссылался на то, что его армія недостаточно организована; а потомъ, до начала марта, мѣшала движенію зимняго распутища. Но генералъ Макъ-Клееланъ принадлежитъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ къ демократической партіи, вообще расположенной щадить Югъ, и притомъ именно къ тому отдѣлу ея, который на прошлыхъ президентскихъ выборахъ имѣлъ своимъ кандидатомъ Брекенриджа, находящагося теперь однимъ изъ предводителей пнсургентовъ. Этотъ отдѣлъ демократической партіи, такъ-называемые брекенриджевскіе демократы, постоянно дѣйствовали вмѣстѣ съ людьми, которые потомъ произвели возстаніе. Поэтому республиканская партія и въ особенности крайній отдѣлъ ея, аболіціонисты, подозрѣваютъ Макъ-Клеелана, будто-бы онъ измѣннически тянулъ войну, чтобы Сѣверъ утомился и въ усталости призналъ Южную конфедерацію. Дѣйствительно ли Макъ-Клееланъ виноватъ въ такомъ предательскомъ коварствѣ, этого, разумѣется, не можемъ рѣшить мы при скудости доходящихъ въ Европу извѣстій. Но очень неблаго-

видный характеръ команды Макъ-Клеллана обнаружился при самомъ же началѣ наступленія союзной потомакской арміи: оказалось, что инсургенты за нѣсколько дней узнали о предполагаемомъ наступленіи; благодаря этому, они успѣли спокойно отступить съ своихъ позицій при Потомакѣ на другую оборонительную линію за рѣкою Раппаганнокомъ. Какъ они могли узнать это, еще не раскрыто теперь. Но какъ бы тамъ ни было, пропущенъ случай разбить ихъ при отступленіи, пропущенъ случай окружить ихъ на прежней позиціи у Потомака,—а между тѣмъ Макъ-Клелланъ именно такъ и хвалился, что окружить ихъ на этой позиціи. Онъ говорилъ: погодите, погодите; если преждевременно начнемъ наступленіе, они уйдутъ за Раппаганнокъ, и борьба продолжится; дайте мнѣ время, я общаюсь отрѣзать имъ отступленіе, и мы заберемъ въ плѣнъ ихъ всѣхъ,—кончимъ войну въ нѣсколько дней. Если онъ не предатель, то онъ—полководецъ не очень искусный; если онъ не обманулъ сѣверное правительство, то непріятельскіе генералы обманули его. Носится слухъ, еще болѣе вредный для его репутаціи или какъ честнаго человѣка, или какъ искуснаго генерала: говорятъ, будто съ самаго октября потомакская армія инсургентовъ была уже до того ослаблена отдѣленіемъ отрядовъ на сѣверо-западъ и на атлантическое побережье, что начиная съ ноября во всякое время можно было раздавить ее почти безъ сопротивленія. Макъ-Клелланъ говорилъ, что онъ считаетъ у противниковъ отъ 150 до 200 тысячъ войска, а на самомъ дѣлѣ будто-бы съ конца прошлаго года оставалось у нихъ въ этой мѣстности только отъ 40 до 50 тысячъ. Не знаемъ, какъ что было на самомъ дѣлѣ. Но подозрѣніе и ропотъ на Макъ-Клеллана возросли въ февралѣ до того, что союзное правительство убѣдилось въ необходимости взять изъ рукъ Макъ-Клеллана въ свои руки главное начальство надъ дѣйствіями военныхъ силъ. Въ половинѣ февраля президентъ созвалъ военный совѣтъ изъ 14 главныхъ генераловъ потомакской арміи и предложилъ вопросъ, можно ли начать наступленіе не дальше, какъ черезъ полторы недѣли. Макъ-Клелланъ и 9 другихъ генераловъ близкаго къ нему образа политическихъ убѣжденій отвѣчали, что это значило бы идти на вѣрное пораженіе: потомакская армія инсургентовъ еще слишкомъ сильна; нужно предварительно принудить ее разными диверсіями, чтобы она отдѣлила отъ себя еще нѣсколько корпусовъ на защиту другихъ пунктовъ. Только четыре генерала республиканской партіи сказали, что начинать наступленіе и можно и должно. Президентъ принялъ ихъ мнѣніе и приказалъ начинать наступленіе. Оказалось, что не только пораженія союзная армія не могла встрѣтить, но и самого непріятеля. Изъ этого извлекается сѣверо-американцами правило (правду сказать, какое новое правило!), что веденіе дѣла не слѣдуетъ отдавать въ руки людей, не сочувствующихъ дѣлу. Начавъ проникаться такою мудростью, они оставили Макъ-Клеллана только главнокомандующимъ одной потомакской арміей, а главнокомандующихъ другихъ своихъ армій сдѣлали независимыми отъ него, подчинивъ ихъ прямо президенту, который по крайней мѣрѣ не пзмѣнникъ. Опасеніе сильно раздражить демократическую партію удержало ихъ отъ того, чтобы лишить Макъ-Клеллана команды и надъ потомакскою арміею; но раздѣливъ эту армію на четыре корпуса, они сдѣлали командирами корпусовъ тѣхъ четырехъ генераловъ, которые говорили правду на военномъ совѣтѣ, такъ что Макъ-Клелланъ, получивъ этихъ помощниковъ, сдѣлался почти безвреденъ.

Итакъ война приняла наконецъ серьёзный характеръ послѣ проволочекъ, протекавшихъ отъ неискуства или измѣны человѣка, которому была поручена прежде. Какъ она пойдетъ и чѣмъ кончится, мы посмотримъ, а теперь не мѣшаетъ заняться разъясненіемъ нѣкоторыхъ мнѣній о ней.

Во-первыхъ, была ли она законна со стороны Союза. Мы знаемъ, что годъ тому назадъ, когда начиналась она, господствовала на Сѣверѣ умѣренная республиканская партія, которая, разумѣется, двоедушничала и ставила вопросъ фальшиво. По ея комментаріямъ дѣло шло о томъ, имѣютъ ли отдѣлившіеся штаты отвлеченное теоретическое право отдѣляться отъ государства, принадлежать къ которому не хотятъ. На это вмѣстѣ съ умѣренной демократическою партіею она отвѣчала, что такого права не имѣютъ отдѣлившіеся штаты. Тонкими комментаріями на разные казусы международнаго права и на разные статьи конституціи она доказывала, что центральная государственная власть въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ право силою оружія удерживать въ подчиненіи себѣ тѣ области государства, которыя хотятъ быть независимыми. Теорія выходила очень оригинальная съ американской точки зрѣнія, такъ что искренніе люди и на сѣверѣ и на югѣ Соединенныхъ штатовъ должны были только пожимать плечами, слушая подобныя рѣчи. Но крайняя партія сѣверныхъ людей—аболиціонисты разсуждали совершенно иначе. Они говорили: еслибы дѣло шло о правѣ народа Южныхъ штатовъ или какихъ нибудь другихъ штатовъ отдѣлиться отъ государства, принадлежать къ которому не хочетъ населеніе этихъ областей, то ни союзная власть, никакая другая власть на свѣтѣ не имѣла бы права мѣшать этимъ областямъ устроить свою судьбу какъ имъ угодно. Но дѣло вовсе не въ томъ. Сецессионисты долгое время господствовали надъ всѣмъ Союзомъ и принуждали Сѣверные штаты терпѣть невольничество, существованіе котораго противно убѣжденіямъ сѣвернаго населенія. Они находятъ, что поддержать невольничество нельзя имъ иначе, какъ господствуя надъ всѣмъ Союзомъ, и теперь начинаютъ войну для возстановленія своей потерянной власти надъ нимъ. Не мы мѣшаемъ имъ быть самостоятельными, а они хотятъ завоевать насъ. Мы должны защищаться.—Это чувство овладѣло Сѣверомъ. Тогда сецессионисты, увидѣвъ, что не успѣли запугать своими вооруженіями, стали предлагать миръ. Умѣренная партія на Сѣверѣ начала разсуждать опять такимъ фальшивымъ образомъ: примириться значило бы признать независимость Южныхъ штатовъ, то есть раздробить государство, уменьшить его могущество, его блескъ; значитъ, мириться нельзя. Аболиціонисты говорили иначе. Дѣло идетъ не о государственномъ могуществѣ или блескѣ,—если бы только эти вещи могли пострадать отъ мпра, надобно было бы не колеблясь заключить его: во-первыхъ, Сѣверъ останется достаточно могущественъ и безъ Юга; во-вторыхъ, благосостояніе дороже могущества, и не стоитъ жертвовать людьми для пустаго тщеславія. Но дѣло въ томъ, что большинство населенія въ Южныхъ штатахъ не хочетъ отдѣляться отъ Союза; пнсургенты составляютъ меньшинство, которое на самомъ Югѣ не можетъ удерживать за собою захваченную власть иначе, какъ насильственными мѣрами; Югъ въ отдѣльности отъ Сѣвера не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ военною державою, въ которой будетъ господствовать войско, и командиры этого войска или предводители партіи, имѣющіе своимъ агентами этихъ генераловъ, постоянно будутъ думать

только о завоеваніяхъ, чтобы обольщать свой народъ блескомъ могущества, военной славы, побѣдъ. Они уже пытались завоевать насъ, и теперь только хотѣтъ выиграть время, чтобы, собравшись съ силами, напасть на насъ врасплохъ въ другой разъ.

Такое теперь политическое положеніе дѣлѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Инсургенты предлагаютъ миръ. На Сѣверѣ повидимому господствуетъ партія, полагающая, что предводители инсурентовъ—люди, съ которыми нельзя мириться. Но успѣетъ ли эта партія удержать за собою власть до конца дѣла, или Сѣверъ утомится войною, этого мы не знаемъ. Въ массахъ усиливается мнѣніе, принадлежащее аболіціонистамъ; но какіе элементы съ какимъ успѣхомъ борются между собою въ союзномъ правительствѣ, этого мы еще не можемъ различить по нынѣшнимъ недостаточнымъ извѣстіямъ о закулисомъ ходѣ дѣлѣ. Мы здѣсь имѣемъ источники свѣдѣній только слѣдующихъ двухъ, равно ненадежныхъ видовъ. Подробные и съ своей точки зрѣнія очень обдуманые рассказы корреспондента «Times'a» пишутся съ явнымъ желаніемъ доказать, что Сѣверу слѣдуетъ смириться передъ Югомъ. Большая часть европейскихъ газетъ читается заимствованіями изъ «Times'a». Газеты, которыя хотѣли бы писать правдивѣе, не обладаютъ большими средствами, потому сѣверо-американскіе корреспонденты ихъ—люди темные, не имѣющіе доступа въ правительственныя сферы и не знающіе хорошенько, что тамъ дѣлается. За неимѣніемъ лучшаго, приводимъ послѣднее письмо нью-йоркскаго корреспондента «Times'a», который, какъ мы сказали,—отъявленный партизанъ инсурентовъ.

«Нью-Йоркъ, 26 марта».

«Во всякомъ возстаніи противъ преобладающей партіи сила рѣшается, какое имя останется за предводителями возстанія. То, что было бунтомъ, когда Людовикъ Наполеонъ Бонапартъ являлся въ Страсбургѣ и въ Булонь, перестало быть бунтомъ, когда онъ сдѣлался императоромъ французовъ. Даже великій и благородный Вашингтонъ былъ только бунтовщикомъ, пока успѣхъ покрывъ его имя безсмертною его славою. Каково теперь съ этой стороны положеніе президента Южной конфедераціи, Джефферсона Дэвиса? Бунтовщикъ или патріотъ онъ? И бунтъ или патріотизмъ—попытка основать Южную конфедерацію? Событія быстро рѣшаютъ этотъ вопросъ. Еще мѣсяць тому назадъ въ Англіи перевѣсъ былъ на сторонѣ мнѣнія въ пользу южной независимости. Но три послѣднія недѣли произвели совершенную перемену въ здѣшнихъ дѣлахъ. Побѣда, капризно порхавшая за южными знаменами, теперь сѣла на знаменахъ Сѣвера и повидимому не слетитъ съ нихъ. Южныя арміи потерпѣли день за день столько неудачъ и поражений, что не только люди нерѣшительные, всегда пристающіе къ выигрывающей сторонѣ, но и нѣкоторые изъ самыхъ пылкихъ и самоувѣренныхъ партизановъ Юга убѣдились, что дѣло ихъ потеряно. Видѣ войны измѣнился, инсургенты отгѣсняются въ небольшой уголокъ своей земли. Едва ли они попытаются удержать въ Виргиніи наступленіе Макъ-Клеллана,—вѣроятно, что они удалятся въ штаты Мексиканскаго залива на крайній югъ, куда побоятся идти лѣтомъ сѣверныя арміи, если война продолжится до лѣта». (Лѣтомъ изменности хлопчато-бумажныхъ штатовъ опасны своими миазмами). «А теперь Джефферсонъ Дэвисъ и его товарищи повидимому упали духомъ». (Джефферсонъ Дэвисъ въ послѣднее время говорилъ уже не о надеждѣ на успѣхъ, а о томъ, что дѣло, за которое взялся Югъ, оказывается не по силамъ ему, и что надобно погибнуть со славою). «Южныя газеты и народъ на Югѣ поддались взаимнымъ ссорамъ, всегда рождающимся отъ неуспѣха, винять своихъ предводителей и другъ-друга, своими несогласіями еще больше ослабляя дѣло, въ которомъ весь успѣхъ основывался только на энтузіазмѣ. Если Южныя штаты принуждены будутъ на время или навсегда возвра-

тяться въ Союзъ, то въ бѣдѣ ихъ не столько будутъ виноваты сѣверныя арміи, сколько ихъ собственная неразумительная надежда на помощь Англіи и Франціи. Сѣверъ началъ гибельную войну отъ излишней увѣренности во *всемогущество* хлопка, который долженъ былъ будто бы выпутать его изъ всякихъ затрудненій. Югъ ожидалъ, что Англія скорѣе начнетъ войну съ Сѣверомъ, чѣмъ перенесетъ остановку въ подвозѣ хлопка. Югъ думалъ побѣдить постороннею помощью;—она не явилась. Въ началѣ борьбы Югъ имѣлъ всѣ шансы успѣха на своей сторонѣ; и привычку повелѣвать, и благоприятность времени, и лучшихъ офицеровъ арміи и флота Соединенныхъ Штатовъ, симпатію демократической партіи на Сѣверѣ, недовѣріе Сѣвера къ абolicіонистамъ, предательство союзныхъ сановниковъ, содѣйствіе всего высшаго общества на Сѣверѣ; а Сѣверъ не только не былъ приготовленъ сопротивляться столь страшному движенію, а даже и не вѣрилъ, что на Югѣ серьезно хотятъ отторгнуться отъ Союза, онъ былъ безъ арміи, безъ генераловъ, безъ плана и безъ военныхъ средствъ. Но когда онъ оправился отъ перваго распалоха, то оказалось, что онъ имѣетъ рѣшимость и страстный энтузіазмъ. Этими силами онъ совершилъ чудеса. Онъ надѣялся только на себя, развернулъ всѣ свои силы, и теперь дѣло въ такомъ положеніи, что возвращеніе всѣхъ пограничныхъ штатовъ въ Союзъ можетъ уже считаться вещью конченною, а покореніе хлопчатобумажныхъ—вещью, зависящею отъ воли Сѣвера.

«Но говорить, что президентъ Союза не хочетъ унижать Южные штаты и ждетъ только большой побѣды, чтобы протянуть имъ оливковую вѣтвь и миромъ возвратить въ лоно Союза заблудшее овца. А если такъ, что будетъ съ республиканскою партіею? И, еще важнѣе, что будетъ съ вопросомъ о невольничествѣ? Возвратить мирнымъ образомъ въ Союзъ Южные штаты невозможно иначе, какъ признавъ законнымъ существованіе невольничества въ нихъ. Но развѣ для этого вести войну Сѣверъ?—Почему знать? Демократическая партія на Сѣверѣ прямо говоритъ, что такъ. Сѣверные демократы, въ противоположность республиканцамъ, не имѣютъ никакого расположенія къ дѣлу негровъ и ненавидятъ абolicіонистовъ гораздо искреннѣе, чѣмъ южныхъ сецессіонистовъ. Дѣло въ томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ только не очень значительное меньшинство ненавидитъ невольничество по принципу. Большинство смотритъ на него равнодушно. Гдѣ оно отмѣнено, тамъ отмѣнено по расчету. На Сѣверѣ оно невыгодно. Въ пограничныхъ штатахъ, гдѣ трудъ невольника также невыгоденъ, оно будетъ уничтожено черезъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и мѣсяцевъ. Но чтобы оно было отмѣнено въ хлопчатобумажныхъ штатахъ, гдѣ оно чрезвычайно выгодно,—этому не повѣритъ никто, знающій американцевъ». (Разумѣется, ничего важнаго никогда въ исторіи не дѣлалось иначе, какъ по расчету выгоды. Но въ томъ и дѣло, что на Сѣверѣ распространяется убѣжденіе, что южное невольничество невыгодно для Сѣвера, что Сѣверу нельзя жить мирно ни въ союзѣ, ни порознь съ Югомъ, пока на Югѣ будетъ существовать учрежденіе, требующее много гражданскаго быта въ сосѣднихъ областяхъ, чѣмъ какой утвердился на Сѣверѣ). «Смотрите, съ какой хотите точки зрѣнія. невольничество—деготь въ меду сѣверо-американской республики». (Потому оно и будетъ отмѣнено). Этого дѣла нельзя ни отстранить, ни уладить мирнымъ путемъ»; (потому оно и разрѣшается военнымъ). «Самое большое, чего можно надѣяться отъ нынѣшней борьбы—то, что невольничество будетъ изгнано изъ пограничныхъ штатовъ и ограничено хлопчатобумажными областями. Но этотъ результатъ могъ быть достигнутъ обыкновеннымъ ходомъ дѣлъ» (хѣтъ, пока Югъ не вывелъ изъ територіи Сѣверъ, невольничество старалось захватывать все новыя области, даже такія, въ которыхъ не могло держаться безъ междоусобной войны, напримѣръ Канзасъ, и никакъ не хотѣло покидать пограничныхъ штатовъ) «и силою чисто коммерческихъ причинъ» (да вѣдь самъ же авторъ сказалъ, что Сѣверъ ведетъ войну не по филантропіи, а по коммерческому расчету; вотъ, значить, коммерческія причины и дѣйствуютъ); «потому не было необходимости абolicіонистамъ доводить Югъ до междоусобной войны» (да вѣдь не абolicіонисты, не имѣвшіе до войны никакой практической силы, довели Югъ до войны, а онъ самъ началъ войну, чтобы завоевать Сѣверъ), «которая уже стоила большаго денегъ,—не говоря о крови, разореніяхъ и бѣдствіяхъ,—чѣмъ стоило бы выкупить и освободить всѣхъ негровъ Юга» (но что жъ было дѣлать, когда южные плантаторы не

хотѣли и слышать о выкупѣ и начали войну, чтобы уничтожить на Сѣверѣ всякую возможность мысли объ этомъ выкупѣ?).

Судя по этимъ признаніямъ приверженца сецессіонистовъ, надобно заключать, что всякая надежда устоять въ борьбѣ потеряна инсургентами и что всю свою надежду они возлагаютъ теперь на хлопоты своихъ сѣверныхъ партизановъ о заключеніи мира.

Мы упомянули о морской битвѣ, которая не имѣла никакого вліянія на ходъ войны, но замѣчательна по заключеніямъ, которыя должны быть изъ нея выведены относительно постройки военныхъ судовъ. Самы инсургенты совершенно не имѣли флота, но они овладѣли при началѣ войны главнымъ военнымъ портомъ Союза, Норфолькскою гаванью. Большая часть кораблей Союза, стоявшихъ тогда въ этой гавани, успѣлъ уйдти; но большой фрегатъ «Мерримакъ» былъ разснахонъ, такъ-что союзные командиры не могли увести его и затошили. Вытащивъ фрегатъ, инсургенты одѣли его желѣзомъ, и вотъ онъ, переименованный въ «Виргинца», пошелъ изъ Норфолькской гавани къ сосѣднему устью рѣки Джемса, гдѣ стоитъ фортъ Монро, служащій операціоннымъ базисомъ для дѣйствій сѣверныхъ войскъ въ сѣверной части виргинскаго побережья. Подъ прикрытіемъ форта и береговыхъ батарей находилась союзная эскадра, состоявшая изъ трехъ фрегатовъ такой же величины, какъ «Мерримакъ», нѣсколькихъ корветовъ, и т. д. Эти корабли имѣли до 250 орудій тяжелаго калибра; на береговыхъ батареяхъ также были тяжелыя орудія. Но «Мерримакъ» спокойно шелъ подъ ихъ выстрѣлами прямо на одинъ изъ союзныхъ кораблей, далъ по немъ залпъ изъ своихъ 12 пушекъ (тяжелая желѣзная одежда заставляетъ уменьшать число орудій на такихъ корабляхъ) и съ полною силою наровъ ударилъ своимъ, сдѣланнымъ изъ желѣза, носомъ въ бокъ противника. Стѣна деревяннаго корабля разсѣлась. «Мерримакъ», отошедши сажень на 50, далъ другой залпъ и опять ударилъ носомъ: корабль сталъ быстро тонуть. «Мерримакъ» пошелъ противъ другаго фрегата, — тотъ сдался. Наступила ночь. «Мерримакъ», дождавшись утра, принялся было топить другіе союзные корабли. Ихъ залпы и выстрѣлы береговыхъ батарей нисколько не вредили ему: только ходъ его нѣсколько задерживался, когда разомъ толкалось въ него слишкомъ много непріятельскихъ ядеръ: ихъ удары дѣйствовали на него въ родѣ того, какъ противный вѣтеръ. Всѣ тѣ союзные корабли, которые не успѣли бы убѣжать, были бы потоплены, но случайнымъ образомъ приплыла къ тому мѣсту странная вещь, тоже въ родѣ «Мерримака», только совершенно оригинальнаго устройства. Извѣстный строитель пароходовъ Эриксонъ, изобрѣтатель особеннаго способа замѣнять паръ разгоричненнымъ воздухомъ, придумалъ корабль, надъ нелѣпостью и непригодностью котораго очень много смѣялись. Весь корпусъ этого корабля находится подъ водою, такъ что сверхъ воды выказывается лишь часть палубы и бапшенка въ видѣ огромнаго опрокинутого стакана. Палуба корабля одѣта толстымъ желѣзомъ (шесть слоевъ, каждый въ дюймъ толщины, крѣпко свинченныя); верхняя полоса стѣны корабля, хотя и подъ водою, тоже одѣта желѣзомъ до такой глубины, до какой уже не могутъ хватать черезъ воду ядра. Башня, тоже изъ желѣза, толщиною въ 9 дюймовъ, вертится на вращанномъ въ палубу желѣзномъ кругу, который представляетъ собою какъ будто бы верхушку круглаго стола, ножки котораго внутри корабля.

По сигналамъ отъ человѣка, находящагося въ башнѣ, экипажъ корабля снизу повертываетъ куда надобно столъ и башенку. Въ башнѣ 2 амбразуры для двухъ пушекъ, одна подлѣ другой, такъ что стрѣлять изъ обѣихъ можетъ одинъ человѣкъ. Окна эти сдѣланы вплоть по дуламъ пушекъ,—пушкамъ повертываться не нужно въ амбразурахъ, онѣ повертываются вмѣстѣ съ башенкой. Въ башнѣ стоятъ человѣкъ и стрѣляетъ. Надъ рулемъ сдѣланъ желѣзный домикъ такой же толщины, какъ башенка. Въ домикѣ другой человѣкъ, который правитъ рулемъ. Только эти два человѣка и находятся поверхъ воды. Остальной экипажъ весь внутри затопленного корпуса подъ желѣзной крышей. Пушекъ на этой штуцѣ только двѣ, какъ мы сказали, но огромнаго, по нашей терминологіи 5-пудоваго калibra. Ядра для этихъ пушекъ сдѣланы тоже особенныя, не чугуныя—чугунъ слишкомъ хрупокъ,—а изъ ковannaго желѣза. Этотъ странный союзный пароходъ случайно шелъ по сосѣдству, услышалъ выстрѣлы и пошелъ защищать своихъ. «Мерримакъ» вдвое больше его величиною и имѣетъ 12 пушекъ противъ 2-хъ, которыми вооружена странная машина Эриксона, называющаяся «Увѣщателемъ», Monitor. «Мерримакъ» оказался противъ «Монитора» столь же беспомощенъ, какъ деревянные корабли противъ «Мерримака». Нѣсколько часовъ они стрѣляли другъ въ друга на разстояніи отъ 20 до 40 саж. и не дальше какъ на 70 саж. Раза 2 или 3 «Мерримакъ», надѣясь на свою величину и тяжесть, набрасывался со всѣхъ паровъ на противника, чтобы пробить его своимъ длиннымъ, желѣзнымъ носомъ, придѣланнымъ нѣсколько ниже водяной линіи, или потопить его. Но только носъ повредился, хотя былъ сдѣланъ изъ куска желѣза шириною фута въ полтора и толщиною съ футъ. «Мониторъ» не хотѣлъ ни тонуть отъ набѣжавшей на него тяжести, ни портиться отъ ударовъ, и «Мерримакъ» снова отходилъ, и опять начинались залпы. «Мониторъ» такъ и остался безъ всякаго поврежденія: на его палубѣ и башенкѣ было только сдѣлано множество выбоинъ глубиною около дюйма. Но калибръ орудій «Монитора» и кованныя ядра оказались наконецъ невыносимы для «Мерримака»; нѣкоторые ядра попадали въ амбразуры «Мерримака», кромѣ того повредили ему руль, и послѣ боя, тянувшагося, какъ мы сказали, нѣсколько часовъ, онъ уступилъ,—пошелъ чиниться назадъ въ Норфолькъ. Но поврежденія были нанесены ему только ядрами «Монитора», очень долго бившими его съ разстоянія отъ 40 до 20 сажень. На выстрѣлы береговыхъ батарей онъ не обращалъ никакого вниманія, и изъ всей этой исторіи стало очевидно, что не только деревянные корабли, но и каменные форты никуда негодятся противъ кораблей, одѣтыхъ желѣзомъ: ставъ въ саженьяхъ 150 отъ форта, такой корабль разобьетъ его въ мусоръ, а самъ не потерпитъ никакого поврежденія, потому что 5-ти пудовыя ядра дѣйствуютъ на него очень слабо и въ 50 саженьяхъ разстоянія.—Какъ только принесъ телеграфъ извѣстіе объ этой битвѣ въ Вашингтонъ, союзный конгрессъ назначилъ около 20 мил. р. сер. на постройку одѣтыхъ желѣзомъ кораблей и эриксоновскихъ машинъ. Но это еще не такъ любопытно, какъ дѣйствие того же извѣстія въ Англіи.

Англійское правительство не знало, на что рѣшиться. Но въ парламентѣ спросили его, какой практической результатъ извлечетъ оно изъ исторіи «Мерримака» и «Монитора». Пальмерстонъ и его товарищи отвѣчали въ такомъ

смыслѣ, что всеконечно, эта исторія поучительна, но надобно подумать, что она значить.—Да чего тутъ думать, сказали пмѣ, вы видите, что цѣлый флотъ деревянныхъ кораблей безнаказанно пстреляется однимъ кораблемъ, одѣтымъ въ желѣзо. Такъ ли?—«Такъ».—У насъ строятся деревянные корабли?—«Строятся».—Это работа пропащая, и деньги пропащія. Такъ ли?—«Такъ».—Такъ чего же думать? Надобно послать приказаніе прекратить эту работу.—«Да», сказалъ Пальмерстонъ, «точно, надобно остановить. Сейчасъ пошлю приказаніе объ этомъ».—А какъ вы думаете о способности каменныхъ укрѣпленій защищать гавань отъ кораблей, одѣтыхъ желѣзомъ?—«Надобно подумать».—Да опять, что же тутъ думать? Вы видите, что форты не защита. Надобно защищать гавани одѣтыми въ желѣзо пловучими баттареями, поставленными у входа въ гавань. Такъ ли?—«Такъ».—А у насъ строятся форты?—«Строятся».—Это пропащія деньги?—«Да».—Такъ надобно послать приказаніе остановить эти напрасныя работы.—«Да, сейчасъ пошлю приказаніе объ этомъ».

Вотъ что значить простой и живой разговоръ: въ два дня порѣшили дѣло, котораго иначе не рѣшили бы въ нѣсколько мѣсяцевъ, и въ эти нѣсколько мѣсяцевъ было бы израсходовано милліоновъ двадцать, тридцать рублей на работы, оказавшіяся напрасными, и было бы потеряно нѣсколько мѣсяцевъ драгоцѣннаго времени, которымъ теперь воспользуются для огражденія англійской безопасности усиленною работою надъ кораблями, одѣтыми въ желѣзо, и желѣзными пловучими баттареями.

Впрочемъ все это плохая потѣха: тамъ сражаются, тамъ строятъ одѣтые желѣзомъ корабли въ виду какихъ-то угрожающихъ войнъ; а въ нынѣшнее весеннее время человѣкъ расположенъ быть веселымъ, и хочется ему чѣмъ нибудь позабавиться. Для насъ нѣтъ лучшей забавы, какъ либерализмъ,—такъ вотъ и подмываетъ насъ отыскать гдѣ нибудь либераловъ, чтобы потѣшиться надъ ними. А, вотъ гдѣ они теперь: въ Пруссіи. Краснорѣчиво толкуютъ они о злономѣренности новыхъ прусскихъ министровъ (прежніе, которыхъ они тоже считали виновниками всѣхъ своихъ огорченій, вышли въ отставку, потому что, какъ видно, не желали ихъ огорчать). Новые министры будто бы не въ примѣръ хуже прежнихъ. Такъ расходились противъ нихъ прусскіе либералы, что даже постороннихъ людей сталъ забирать страхъ. Холодный и разсудительный берлинскій корреспондентъ Times'a—и тотъ пришелъ въ азартъ: новые министры, говоритъ, ведутъ Пруссію къ погибели. Будто и ведутъ! А вотъ послушаемъ, какъ это они ведутъ,—переведемъ его писъмо, въ немъ все-таки поменьше двоедушія, чѣмъ въ самихъ рѣчахъ прусскихъ либераловъ.

«Берлинъ, 6 апрѣля».

«Замѣчательная черта настоящаго положенія дѣлъ въ Пруссіи—то, что сильно заинтересовались политикою люди, которые въ обыкновенныя времена нисколько не заботятся объ ней, но теперь горячо разсуждаютъ о политическихъ дѣлахъ и выражаютъ самымъ прямымъ языкомъ свое неудовольствіе» (да на кого же они сердятся, чудакѣ! Самѣ не занимались дѣлами, и вдругъ разсердились, что дѣла идутъ не по ихъ желанію. Да вѣдь они молчали? Такъ какими же судьбами было кому исполнять ихъ желаніе, котораго никто и не слышалъ? Нянекъ что ли было правительству приставить

къ нимъ, чтобы отгадывали ихъ мысли, смотря имъ въ глазки? Да вѣдь и въ глазкахъ-то у нихъ ничего нельзя прочесть, потому что мыслей-то у нихъ никакихъ не было!). «Между такими лицами предметомъ постоянныхъ разговоровъ продолжаетъ быть циркуляръ г. фонъ-Ягова, и никто не говоритъ о немъ безъ негодованія» (какой удивительный предметъ для своего негодованія нашли они: министръ внутреннихъ дѣлъ написалъ своимъ чиновникамъ циркуляръ, въ которомъ говорить, что правительству было бы приятно, еслибы въ депутаты были выбраны лица, одобряющія образъ дѣйствія правительства. А эти господа негодователи ждали видно, что министръ внутреннихъ дѣлъ порекомендуетъ выбирать въ депутаты людей, порицающихъ правительство!) «Разумѣется, инструкция министра внутреннихъ дѣлъ, обнародованная въ довольно осторожной формѣ, превышаетъ и злоупотребляется подобострастіемъ его подчиненныхъ» (вотъ видите, куда оно пошло, ужъ и не министръ виноватъ, а его подчиненные. Только и на подчиненныхъ едва ли не понапрасну кленютъ прусскіе либералы, будто они «превышаютъ и злоупотребляютъ»: вѣдь еслибы въ самомъ дѣлѣ превышали и злоупотребляли, то были бы отставлены министромъ), «и ежедневно мы видимъ въ газетахъ воззванія провинціальныхъ чиновниковъ къ избирателямъ, исполненія извращенныхъ свѣдѣній, написанныя съ цѣлю обмануть и запугать избирателей» (Проще сказать: чиновники излагаютъ дѣло съ своей точки зрѣнія, которой не раздѣляютъ люди другихъ убѣжденій; къ чему же такъ уже кричать, что чиновники искажаютъ факты,—они только излагаютъ факты въ такомъ видѣ, въ какомъ сами ихъ понимаютъ; тутъ еще штъ ничего удивительнаго). «Кто привыкъ видѣть привязанность пруссаковъ къ королю, ихъ уваженіе къ его добрымъ намѣреніямъ, ихъ надежду, что онъ, хотя быть можетъ медленнымъ, но твердымъ шагомъ будетъ идти къ осуществленію великихъ благъ для народа, тому прискорбно замѣчать, что онъ,—только на время, какъ мы надѣемся,—утратилъ свою популярность. Прежде его добрыя качества были любимымъ предметомъ разговоровъ, теперь вниманіе устремлено на его недостатки и ошибки» (но вѣдь онъ не перемѣнился, не потерялъ ни одного изъ своихъ прежнихъ качествъ? значитъ, несправедливы люди, которые отъ похвалы ему перешли къ порицанію?). «Нѣкоторые даже не надѣются, что онъ будетъ въ силахъ исправить сдѣланныя ошибки. А другіе говорить, что если и можно исправить ихъ, то многихъ трудностей и долгаго времени будетъ стоить ему избавиться отъ сѣтей, въ которыхъ онъ запутанъ злыми совѣтами людей, влиянію которыхъ приписываются сдѣланныя ошибки» (но если ошибокъ не было?). «Конечно, напрасно было бы слишкомъ винить его совѣтниковъ» (вотъ видите ли, они не такъ виноваты, конечно, потому, что важныхъ ошибокъ не было сдѣлано.—Послѣ этого корреспондентъ Times'a пускается въ разсужденія о королѣ, совершенно ошибочныя, которыхъ мы не хотимъ и повторять. Перейдемъ прямо къ изложенію нынѣшнихъ дѣлъ). «Прежніе министры вышли въ отставку, принявъ на себя упрекъ за распушеніе палаты, но не желая слѣдовать политикѣ, требовавшей распушенія палаты».

Новые министры искренно преданы этой политикѣ и потому заслуживаютъ такой же похвалы за твердость, съ которою рѣшились служить ей, какъ прежніе министры за то, что не успивались удерживать за собою должностей долгое время послѣ того, какъ это стало несогласно съ ихъ убѣжденіями. Выборы будутъ происходить подъ влияніемъ недовольства, о которомъ упоминаетъ корреспондентъ Times'a въ началѣ своего письма. Идутъ, что большинство въ новой палатѣ составятъ люди, порицающіе нынѣшнюю политику. Но будемъ надѣяться, что преданность прусскаго народа королю предотвратитъ всѣ послѣдствія такого выбора. Можетъ быть, что злонамѣренные люди составятъ большинство въ новой палатѣ депутатовъ; но это большинство увидитъ себя безсильнымъ.

П О Л И Т И К А.

Апрѣль 1862.

ВЫБОРЫ ВЪ ПРУССИИ.—ПУСТАЯ МОЛВА О РИМѢ.—БИТВА ПРИ ПИТТСБУРГЪ-ЛАНДИНГЪ И ВЗЯТІЕ
НОВАГО ОРЛЕАНА.

Пруссія рѣшительно не хочетъ отказываться отъ внезапно овладѣвшаго ею честолюбія служить предметомъ всеобщаго любопытства. Лѣтъ двѣнадцать, съ 1859 г., существовала она такимъ смиреннымъ манеромъ, что самые рьяные публицисты и газетные корреспонденты, умѣющіе находить себѣ пищу и въ Португаліи, и въ Голландіи, и въ Бельгіи, не умѣли отыскать въ Пруссии предмета, о которомъ написать бы двѣ-три колонны. Безплодность почвы довела корреспондентовъ до отчаянной рѣшимости: они бѣжали изъ Берлина. Какимъ же способомъ произошло, что Пруссія вдругъ превзошла даже свою вѣчную соперницу Австрію обиліемъ матеріала, доставляемаго для газетъ? Этимъ она обязана своему правительству.

Съ возшествіемъ нынѣшняго короля на престолъ, пруссаки, не извѣстно на какомъ основаніи, связывали надежду, что сама водворится у нихъ система истинно конституціоннаго правленія. До той поры, видите ли, Пруссія только на бумагѣ называлась конституціонною страной, а въ дѣйствительности управлялась точно такимъ же порядкомъ, какъ во времена до-конституціонныя. Ждали пруссаки годъ, два, три—нѣтъ, все она сама собою не водворится. Вотъ, прошлой осенью они сдѣлали попытку позаботиться о сея водвореніи, совершивъ необыкновенно мудреное открытіе, что если они хотятъ имѣть палату депутатовъ, желающую дѣйствительно ввести въ государство конституціонный порядокъ, то надобно выбирать въ депутаты людей, которые дѣйствительно имѣли бы конституціонныя убѣжденія. Прежде, видите ли, пруссаки не знали этого и выбирали въ депутаты тѣхъ людей, которыхъ рекомендовали имъ ландраты, то есть провинціальныя начальники. Одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ нужно было пруссакамъ, чтобы понять, что какъ бы хороши ни были ландраты, но имѣютъ своею обязанностию и своимъ желаніемъ вовсе не введеніе

петинно конституціоннаго правленія въ Пруссіи, а только то, чтобы добросовѣстно исполнять приказанія министерства; и что поэтому люди, рекомендуемые ландратами въ депутаты, никакъ не способны стремиться къ тому, чтобы поставить министровъ въ зависимость отъ палаты депутатовъ. Одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ опыта нужно было пруссакамъ для уразумѣнія такой трансцендентальной истины,—но неужели это много времени, какихъ нибудь съ небольшимъ десятокъ лѣтъ, на обученіе націи первому приему новой для нея жизни? Въдъ первый приемъ тяжеле всего. Итакъ въ прошлую осень пруссаки выбрали депутатовъ, хотѣвшихъ ввести на самомъ дѣлѣ конституціонное управленіе. Новая палата потребовала, чтобы на ея разсмотрѣніе представлялся подробный бюджетъ вмѣсто краткаго перечня государственныхъ доходовъ и расходовъ, которымъ довольствовались прежнія палаты, но изъ котораго ничего не было видно. Кромѣ того она требовала, чтобы уменьшены были издержки на войско, нарушавшія равновѣсіе расхода съ приходомъ. Если бы само правительство вздумало сдѣлать то, чего требовала палата, отъ этихъ перемѣнъ не выходило бы еще никакой особенной разницы въ системѣ управленія. Представленіе палатѣ короткаго, а не подробнаго бюджета было только дѣломъ формы. А уменьшеніе издержекъ на военныя силы палата требовала въ размѣрѣ не очень большомъ, такъ что составъ военныхъ силъ мало измѣнялся бы этою убавкою. Собственно говоря, еслибы требуемыя перемѣны не были требуемы депутатами, а были сдѣланы самимъ правительствомъ, правительство и не сочло бы ихъ важною уступкою съ своей стороны. Но большая разница въ томъ, по независимому ли рѣшенію правительства, или по формальному требованію общества дѣлается какая нибудь перемѣна. Реформа, не имѣющая ни малѣйшей важности въ первомъ случаѣ, можетъ оказываться переворотомъ всей системы управленія во второмъ, потому что она тутъ уже будетъ признакомъ, что отношеніе между правительствомъ и обществомъ измѣнилось, что общественное мнѣніе взяло господство надъ правительствомъ.

Разсматривая дѣло съ этой вѣрной точки зрѣнія, мы никакъ не можемъ согласиться съ поверхностными порицателями, упрекающими прусское правительство за то, что оно поссорилось съ палатою депутатовъ изъ-за такихъ вопросовъ, которые сами по себѣ маловажны. Напрасно удивляются либералы тому, что оно не сдѣлало палатѣ удовольствія, а предпочло волновать страну распущеніемъ палаты и предложеніемъ обществу прямаго вопроса: на чьей сторонѣ хотятъ стоять пруссаки, на сторонѣ правительства или на сторонѣ конституціонистовъ. Мы находимъ, что прусскому правительству такъ и слѣдовало поступить. Дѣйствительно, ходъ петиціи пододвинулъ рѣшеніе вопроса, на какой ступени конституціоннаго настроенія стоитъ прусское общество: ограничивается ли оно тѣмъ, что приобрѣло знаніе надобности въ людяхъ съ конституціонными убѣжденіями для конституціоннаго управленія государствомъ, или уже приготовлено и ко второму шагу конституціоннаго пути, къ рѣшимости поддерживать людей конституціоннаго направленія въ ихъ спорахъ съ правительствомъ. Чѣмъ скорѣе ставился этотъ вопросъ, тѣмъ скорѣе и разъяснялось дѣло.

Такимъ образомъ прусское правительство дѣйствовало какъ нельзя лучше въ пользу національнаго прогресса, распуская палату, съ убѣжденіями которой

была не согласна прежняя система, и предлагая націю средство испытать, каковы на самомъ дѣлѣ ея мысли: хотеть ли она только того, чтобы палата депутатовъ ораторствовала о конституціонномъ порядкѣ, не имѣя средства установить его, или хотеть поддерживать этихъ депутатовъ, чтобы они, опираясь на націю, могли осуществить свои убѣжденія.

Чтобы не оставить обществу никакого сомнѣнія объ истинномъ положеніи вопроса, правительство приняло два рѣшенія, столь же неосновательно порицаемые поверхностными либералами, какъ и распушеніе палаты. Объ одномъ изъ нихъ мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ: всѣмъ чиновникамъ и зависящимъ отъ правительства корпораціямъ было предписано употреблять всевозможныя усилія для поддержки правительственныхъ кандидатовъ на новыхъ выборахъ и всячески отклонять публику отъ выбора депутатовъ, не одобряемыхъ министерствомъ. Въ прошлый разъ мы защищали эту мѣру со стороны ея натуральности и неизбѣжности, доказывая, что напрасно обвинялись прусскіе министры за дѣйствованіе въ пользу своихъ интересовъ, потому что ни отъ кого нельзя ждать или требовать чего либо иного. Теперь мы пойдемъ дальше въ защитѣ прусскаго правительства и скажемъ, что это его дѣйствіе было не только естественно, но и совершенно благоразумно, политично и законно. Надобно помнить, о чемъ шло дѣло. Вовсе не о замѣнѣ одного министерства, принадлежащаго къ извѣстной политической системѣ, другимъ министерствомъ, признающимъ ту же систему и разнящимся отъ перваго только большею или меньшею степенью либерализма или консерватизма. Случай былъ совершенно не такой, какъ замѣненіе тори вигами, или наоборотъ, въ Англіи. Пальмерстонъ и Дерби, Россель и д'Израэли, подобно Кобдену и Брайту, все признаютъ одинаковое правительственное устройство и спорить между собою только о полезности или вредѣ, своевременности или несвоевременности той или другой практической мѣры, которую каждый изъ нихъ станетъ проводить или задерживать совершенно тѣми же способами, какими пользуется и его противникъ. Принципы государственнаго управленія не подвергаются спору: онъ идетъ только о его подробностяхъ. Конечно, тутъ было бы недобросовѣстно, если бы для торжества на выборахъ министры воспользовались тою силою, какую даетъ имъ правительственная власть, потому что, какъ мы сказали, правительственная власть сама по себѣ не подвергается никакому измѣненію отъ замѣны одного министерства другимъ или оттого, какой партіи будетъ дано выборами большинство въ палатѣ депутатовъ. Правительственная власть при всѣхъ этихъ перемѣнахъ остается неприкосновенна: значить, и не приходится ей вмѣшиваться въ борьбу партій.

Въ Пруссіи совсѣмъ не то. Еслибы выборы дали въ палатѣ большинство министрамъ, это значило бы, что нація хотеть подчиниться прежней правительственной власти; если же большинство новыхъ депутатовъ будетъ противъ министровъ, это будетъ значить, что нація хотеть сама взять въ свои руки правительственную власть, будучи недовольна прежними принципами правленія, ставившими власть внѣ общества. Очевидно, что не одни министры были заинтересованы ходомъ выборовъ, а зависѣла отъ нихъ и судьба самой власти, существовавшей до тѣхъ поръ. Изъ этого видно, что правительственная власть имѣла достаточное основаніе вмѣшиваться въ избирательную борьбу и что никакъ не слѣдуетъ упрекать министровъ за это.

При ихъ посредствѣ правительственная власть приняла и другую мѣру, окончательно разъясняющую вопросъ. Формальною причиною несогласія между министрами и палатою депутатовъ были дѣла о представленіи палатѣ подробнаго бюджета и о дефицитѣ. Власть почла нужнымъ отстранить эти мелкія дѣла, чтобы существенный смыслъ борьбы не затемнялся имп. Передъ выборами было напечатано письмо министра финансовъ къ военному министру, которому его товарищъ предлагалъ позаботиться о сокращеніи военныхъ издержекъ, чтобы не было дефицита и чтобы можно было отмѣнить сборъ экстренной прибавки къ одному изъ прямыхъ налоговъ, служившей для уменьшенія дефицита. Черезъ нѣсколько времени напечатанъ былъ документъ, объявлявшій, что эти предложенія министра финансовъ будутъ исполнены и что отнынѣ будетъ представляться палатѣ депутатовъ подробный бюджетъ. Поверхностные либералы видѣли и тутъ недобросовѣстность. Они говорили: вотъ правительство дѣлаетъ то, чего требовала прежняя палата депутатовъ и за что она была распущена. Ей объявили, что ея требованія противны государственному благоустройству и неудобноисполнимы. Но теперь нашли же ихъ безвредными для государства и возможными. Если такъ, то не зачѣмъ было порицать прежнюю палату и распускать ее.—Мы опять не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, потому что оно разсуждаетъ только объ отдѣльных фактахъ, выбрасывая изъ нихъ смыслъ ихъ. Дѣла, по которымъ обнаружилось разнорѣчіе между палатою и правительствомъ, были сами по себѣ не важны, какъ мы уже говорили, и то или другое рѣшеніе этихъ дѣлъ не приносило государству ни большаго вреда, ни особенной пользы. Но вѣдь прежняя палата, высказывая свои требованія, имѣла не ту только мысль, чтобы именно вотъ лишь *эти* дѣла были рѣшены такъ, а не иначе,—она черезъ эти дѣла хотѣла ввести въ государственное устройство тотъ совершенно новый для Пруссіи принципъ, чтобы воля палаты депутатовъ вообще была закономъ для правительства; а это уже вовсе не то, что требованіе какой нибудь мѣры, по какому нибудь частному вопросу.

Прусское правительство распустило прежнюю палату не изъ-за важности частныхъ предметовъ спора съ нею, а потому, что не признавало за нею права приказывать ему.

Благодаря такому хорошему разъясненію вопроса самимъ правительствомъ, результатъ выборовъ не имѣетъ уже никакой двусмысленности. Тѣ депутаты прежней палаты, которые рѣшительно желали введенія конституціонной системы, выбраны въ новую палату всѣ, безъ исключенія. Во многихъ округахъ замѣнены людьми этой партіи прежніе депутаты нерѣшительнаго образа мыслей; большая часть тѣхъ депутатовъ, которые поддерживали нынѣшнюю систему правленія, потерпѣли пораженіе на выборахъ, точно такъ же, какъ и всѣ министры. Это послѣднее обстоятельство очень замѣчательно въ своемъ родѣ: въ цѣлой Пруссіи не нашлось городского или сельскаго округа, который согласился бы имѣть своимъ представителемъ кого нибудь изъ нынѣшнихъ министровъ.

Теперь новая палата собралась, и тронная рѣчь при ея открытіи была напечата на тономъ очень уклончивымъ, совершенно непохожимъ на прежнія заявленія правительства. Но этотъ мягкій приступъ къ дѣлу выражаетъ собою

только желаніе прусскаго правительства по возможности удерживаться отъ рѣзкихъ столкновеній,—желанія, раздѣляемаго и прогрессистами,—а нимаю не свидѣтельствуемъ, что дѣло обойдется безъ такого столкновенія. Оно можетъ пойти двумя путями.

Во-первыхъ, прежняя система можетъ находить, что еще не истощила всѣхъ своихъ средствъ сопротивленія обществу; если правительство держится такого мнѣнія теперь, оно думаетъ совершенно справедливо. Въ такомъ случаѣ новая палата будетъ распущена подобно прежней. Когда она будетъ распущена, это зависитъ уже отъ нея самой. Правительство приглашаетъ ее въ начинающуюся непродолжительную сессію заняться только удовлетвореніемъ текущихъ надобностей администраціи, отлагая политическій споръ о принципахъ управленія до слѣдующей сессіи, которая начнется зимою. Быть можетъ палата такъ и поступитъ, чтобы не затягивать нынѣшнюю сессію долѣе обыкновеннаго срока парламентскихъ засѣданій, до котораго остается лишь нѣсколько недѣль. А быть можетъ она найдетъ нужнымъ теперь же предъявить свои политическія требованія. Если такъ, она будетъ распущена теперь же, и опять будутъ назначены новые выборы, результатъ которыхъ не подлежитъ сомнѣнію: они дадутъ прогрессистамъ еще сильнѣйшій перевѣсъ въ палатѣ.

Какъ ни поступитъ палата: отложить ли по приглашенію правительства политическую борьбу до слѣдующей сессіи, или начнетъ ее теперь же, все-таки при нынѣшнемъ настроеніи публики—эта борьба неизбежна, если правительство не посчитетъ нужнымъ сдѣлать видную уступку; а уступка хотя по формѣ сколько нибудь удовлетворительная, можетъ состоять только въ замѣнѣ нынѣшняго министерства людьми болѣе либеральнаго образа мыслей. Намъ кажется, что, избравъ этотъ второй способъ дѣйствія, путь уступокъ, прусское правительство поступило бы неосновательно, потому что, какъ мы сказали, оно еще не истощило своихъ средствъ сопротивленія и, слѣдовательно, еще не имѣетъ необходимости отказываться отъ борьбы. Но въ сущности будетъ все равно. Ходъ исторіи неуклонно опредѣляется реальнымъ отношеніемъ силъ, и ошибки, дѣлаемые людьми, имѣютъ вліяніе только на форму, а никакъ не на сущность вещей. Напримѣръ, если бы прусское правительство и вздумало теперь уже сдѣлать уступку, надобности въ которой еще нѣтъ для него при силахъ, остающихся у него въ резервѣ, то всякія нынѣшнія уступки съ его стороны оказались бы чистою формальностью, лишенною всякаго реальнаго значенія, хотя бы оно и само искренно желало дѣлать уступки не кажущіяся, а дѣйствительныя. Попробуемъ всмотрѣться въ дѣло, и мы увидимъ, что иначе быть не можетъ. Если бы прусское правительство вздумало уступить теперь палатѣ депутатовъ, то есть замѣнить нынѣшнихъ министровъ людьми конституціоннаго образа мыслей, оно сдѣлало бы это по доброй волѣ,—не потому, чтобы уже лишено было возможности сопротивляться или надежды на успѣхъ сопротивленія, а только по снисходительному доброжелательству, чтобы пощадить страну, не подвергать ея тяжелымъ симптомамъ гражданскихъ смутъ. Но кто дѣлаетъ что нибудь по снисходительности; для пощады, тотъ сохраняетъ за собою сознаніе силы и никакъ не въ состояніи избавиться отъ мысли, что власть все-таки за нимъ и что протпвникъ, пощаженный его снисходительностію, обязанъ быть признательнымъ къ нему, то есть держать себя въ зависѣмомъ отъ него

положеніи; если же окажется и послѣ этой пощады неблагороднымъ и дерзкимъ, то уже лишится всякаго права на состраданіе и долженъ будетъ подвергнуться справедливому наказанію отъ силъ, остающихся въ резервѣ у великодушнаго. Такимъ образомъ великодушный обладатель силъ, сдѣлавшій уступку, все-таки считаетъ себя сохраняющимъ власть и могущимъ дѣйствовать сообразно тому, а пощаженный противникъ остается въ положеніи, зависимомъ отъ него; слѣдовательно, дѣйствительныя отношенія остаются и послѣ уступки совершенно таковы же, какъ были до ней, и уступка имѣетъ лишь формальное значеніе: если она дѣлается, то придаетъ блескъ великодушія снисходительному сильному, и если принимается его противникомъ, то свидѣтельствуетъ, что этотъ противникъ считаетъ себя слабѣе его,—вѣдь иначе этотъ противникъ не сталъ бы и ждать уступокъ, не только что принимать ихъ, а самъ продиктовалъ бы условія новаго порядка вещей. Стало быть историческіе вопросы нисколько не рѣшаются уступками, которыя имѣютъ лишь то вліяніе, что на нѣсколько времени замаскировываютъ реальное положеніе дѣлъ формальной благовидностью снисходительнаго великодушія.

Потому мы полагаемъ, что прусское правительство поступило бы неосновательно, еслибы замѣнило нынѣшнихъ министровъ прежними, которые вышли въ отставку по несогласію на рѣшительныя мѣры и считаются за либераловъ сравнительно съ нынѣшними министрами. Да оно, повидимому, и не расположено дѣлать такую ошибку. Мы считаемъ совершенно ложнымъ разнесшійся слухъ объ образованіи новаго либеральнаго кабинета. Гораздо правдоподобнѣе противоположный слухъ, что прусское правительство нашло возможнымъ продолжать администрацію, обходясь безъ согласія палаты депутатовъ. Положимъ, что она будетъ выражать недовѣріе къ нынѣшнимъ министрамъ и просить о назначеніи новыхъ,—нынѣшніе министры будутъ сохранять свои мѣста; палата будетъ отвергать всѣ проекты законовъ, вносимые министерствомъ,—но правительство можетъ обходиться и безъ всякихъ улучшеній въ законодательствѣ. Такимъ образомъ дѣло можетъ тинуться до тѣхъ поръ, пока нынѣшніе министры утомятся непопулярностью своего положенія и подадутъ въ отставку: они, при всей своей преданности прежней системѣ, желаютъ сохранять конституціонныя формы. Тогда на ихъ мѣсто будутъ назначены люди болѣе рѣшительные, которые согласятся скрѣпить своими подписями эдикты, измѣняющіе конституцію, такъ, чтобы общество имѣло менѣе простора выбирать въ депутаты людей, не расположенныхъ къ прежней системѣ. Для этого пужны двѣ перемѣны въ конституціи; во-первыхъ, надобно передѣлать законы о выборахъ въ такомъ духѣ, чтобы администрація получила больше силы надъ ними; во-вторыхъ, надобно уменьшить свободу печати. Такое намѣреніе уже было у правительства, и отложено потому, что нынѣшніе министры нашли его или преждевременнымъ, или несогласнымъ съ своими убѣжденіями.

Во всякомъ случаѣ, послѣ выбора новой палаты, прусскій вопросъ подвинулся шагомъ впередъ къ окончательному разъясненію. Прежними выборами прусское общество показало, какъ мы говорили, что оно желаетъ имѣть депутатами людей, расположенныхъ ввести въ государство конституціонное правленіе на самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ прежде это правленіе существовало только по имени; новыми выборами прусское общество показало, что оно готово под-

держивать этихъ людей въ борьбѣ противъ гражданскихъ средствъ прежней системы. Теперь остается видѣть, будетъ ли оно готово поддерживать ихъ и при употребленіи другихъ средствъ прежнею сметею. Гражданскія средства составляютъ только меньшую часть силъ, находящихся въ распоряженіи прежней системы. Коренная сила ея заключается въ военныхъ мѣрахъ, которыя постоянно держатся въ резервѣ при всякихъ важныхъ историческихъ вопросахъ. Какъ споры между различными государствами ведутся сначала дипломатическимъ путемъ, точно такъ же и борьба изъ-за принциповъ внутри самого государства ведется сначала средствами гражданского вліянія или такъ-называемымъ законнымъ путемъ. Но какъ между различными государствами споръ, если имѣть достаточную важность, всегда приходитъ къ военнымъ угрозамъ, точно такъ и во внутреннихъ дѣлахъ государства, если дѣло немаловажно. Если спорящія государства слишкомъ неравносильны, дѣло обыкновенно рѣшается уже однимъ военными угрозами: слабое государство исполняетъ волю сильнаго, и этимъ отвращается дѣйствительная война. Точно такъ же и въ важныхъ внутреннихъ дѣлахъ война отвращается только тѣмъ, если одна изъ спорящихъ сторонъ чувствуетъ себя слишкомъ слабою, сравнительно съ другой: тогда она смирится, лишь только увидитъ, что противная партія дѣйствительно рѣшилась прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ. Но если два спорящія государства не такъ неравносильны, чтобы слабѣйшее изъ нихъ не могло надѣяться отразить нападеніе, то отъ угрозъ доходить дѣло и до войны. Обороняющійся имѣетъ на своей сторонѣ очень большую выгоду, и потому, если онъ уже не слишкомъ слабъ, онъ не падаетъ духомъ отъ рѣшимости болѣе сильнаго противника напасть на него. Посмотримъ, какое понятіе о своихъ силахъ имѣютъ партіи, ведущія между собою борьбу въ Пруссіи. Тутъ, конечно, все зависитъ отъ настроенія общественнаго мнѣнія. Та сторона, которая имѣла громаднѣйшую силу, можетъ увидѣть себя совершенно ослабѣвшею въ нѣсколько мѣсяцевъ или даже недѣль. Но судя по нынѣшнему настроенію общественнаго мнѣнія въ Пруссіи, надобно полагать, что противники нынѣшней системы находятъ себя слишкомъ слабыми для военной борьбы и готовы смириться по первой рѣшительной угрозѣ правительства, что оно прибѣгнетъ къ военнымъ мѣрамъ. Разумѣется, это отношеніе очень шатко, какъ мы уже и говорили, и можетъ совершенно измѣниться отъ всякаго событія, которымъ измѣнялось бы настроеніе общества. Внутри Пруссіи незамѣтно матеріаловъ, отъ которыхъ могли бы возникнуть такія событія, и опасность чего нибудь подобнаго можетъ грозить нынѣшней прусской системѣ только отъ хода исторіи въ другихъ земляхъ; да и нынѣшнее настроеніе общественнаго мнѣнія, изъ котораго возникъ пропеходящій теперь въ Пруссіи споръ, навѣяно на Пруссію заграничными событіями, итальянскими дѣлами, видимою шаткостью нынѣшняго положенія во Франціи и вообще тревожнымъ, возбуждающимъ нервы состояніемъ всего континента западной Европы. Эта сторона самая любопытная и важная въ нынѣшнемъ прусскомъ движеніи. Будучи не болѣе, какъ отголоскомъ глухаго шума, усиливающагося въ западноевропейскомъ континентѣ, оно служитъ признакомъ готовящихся событій, отъ которыхъ зависитъ и его собственная судьба. Если ихъ наступленіе замедлится, конституціонная партія въ Пруссіи снова подвергнется латаргической безнадёжности, въ которой лежала столько лѣтъ почти безъ всякаго признака жизни.

Но только начинись ураганъ на Западѣ, онъ захватитъ и Пруссію, и въ ней произведетъ ломку.

А Франція, какъ мы уже много разъ замѣчали, обнаруживаетъ признаки расположенія подновить свою старинную репутацію, гласящую, что она вулканъ, изъ котораго льется лава и т. д. Два мѣсяца тому назадъ, мы говорили о преніяхъ законодательнаго корпуса по поводу адреса, и замѣчали въ нихъ черту, очень двусмысленную относительно прочности нынѣшней системы: законодательный корпусъ сталъ почтительно слушать рѣзкія рѣчи ничтожной по числу оппозиціи, которую прежде презиралъ и осмѣивалъ. Мы замѣчали, какъ уступчивъ и любезенъ былъ президентъ законодательнаго корпуса графъ Моринъ съ Жюлемъ Фавромъ, какъ въ любезности графа Морина и сконфуженномъ вниманіи всего законодательнаго корпуса обнаруживалось заглавное опасеніе, что, пожалуй, — чего добраго, — придется судьбѣ людей нынѣшней системы зависѣть отъ снисходительности партіи Жюля Фавра.

Но то были еще только слова и манеры обращенія. Вотъ уже начинаются и дѣйствія, въ которыхъ проглядываетъ сознаніе людей нынѣшней системы, что ей полезно избѣгать столкновеній съ новыми претензіями. Мѣсяца полтора, а можетъ быть и больше, черезъ каждые два-три дня являются въ газетахъ предсказанія, что французы отдадутъ Римъ Виктору Эммануэлю. Поводомъ къ этой молвіѣ послужила распря между генераломъ Гойономъ, командующимъ французскими войсками въ Римѣ, и французскимъ посланникомъ въ Римѣ Лавалеттомъ. Гойонъ, усердный приверженецъ папы, утверждаетъ, что выводить французскихъ войскъ изъ Рима нельзя. Что такое говорилъ Лавалеттъ, мы хорошенько не знаемъ, но должно быть что-то несогласное съ мнѣніемъ Гойона, потому что оба они объявили, что имъ обоимъ вмѣстѣ нельзя оставаться въ Римѣ. Спорили, спорили. Лавалеттъ то ли былъ вызванъ, то ли самъ поѣхалъ въ Парижъ, за тѣмъ ли, чтобы убѣдить правительство отозвать Гойона изъ Рима и самому возвратиться туда, или безъ надежды возвратиться, рѣшился оставить поле дѣйствія за Гойономъ. Начались въ Парижѣ какія-то аудіенціи, въ которыхъ что-то разсуждали съ Лавалеттомъ о римскомъ вопросѣ, стали чаще прежняго посылаться изъ Парижа какія-то депеши Гойону, а отъ него какіе-то отвѣты на депеши, и на послѣдокъ дѣло чѣмъ-то кончилось: то ли Гойонъ остается въ Римѣ, а Лавалеттъ удаляется, то ли Лавалеттъ остается, а Гойонъ удаляется, то ли оба они остаются, то ли оба они удаляются, — въ точности не помнимъ, чѣмъ именно кончилось, но помнимъ, что именно чѣмъ-то въ этомъ родѣ; а можетъ быть и то, что дѣло еще и не кончено, — но правдѣ сказать, не помнимъ хорошенько. — Кажется, кончилось; — нѣтъ, опять кажется, будто не кончилось. А впрочемъ все равно. Французскія войска до поры до времени остаются въ Римѣ, какъ и слѣдовало ожидать. Въ чемъ же тутъ важность, что Лавалеттъ попусту спорилъ о чемъ-то съ Гойономъ? А вотъ въ чемъ важность, — въ соображеніи, по которому надѣлано было столько шума изъ-за этого спора. Нынѣшняя сессія — послѣдняя сессія настоящаго законодательнаго корпуса. Законный срокъ его кончается въ концѣ года, и зимою должны быть новые выборы. По свѣдѣніямъ, собраннымъ черезъ полицію, министры увидѣли, что положеніе правительства при выборахъ будетъ невыгодно, если не сдѣлать уступокъ итальянцамъ по римскому вопросу, и что въ новый

законодательный корпусъ войдетъ много оппозиціонныхъ депутатовъ. Министры такъ прониклись этимъ опасеніемъ, что даже увѣрили императора, будто оппозиціонная партія пріобрѣтетъ перевѣсъ, — ну, это пока еще неправдободно при нынѣшнемъ колебаніи общественнаго мнѣнія между конституціонистами и республиканцами, которые сходятся только во враждѣ къ существующему порядку, а между собою не успѣли еще устроить никакого перемирія, и силы которыхъ кажутся одинаковы, такъ что нація не знаетъ, къ какой изъ этихъ двухъ партій лучше прістать людямъ, не увлекающимся политическими увѣжденіями, а желающимъ только спокойнаго и умѣреннаго правительства. При этой невозможности опредѣлить, которая изъ двухъ оппозиціонныхъ партій сильнѣе, каждая изъ нихъ имѣетъ претензію не уступить безъ вооруженной борьбы власть своей противницѣ при паденіи нынѣшней системы, и эта перспектива междоусобія удерживаетъ французское общество отъ серьезныхъ попытокъ устранить нынѣшнюю систему, которая собственно только этимъ и держится, какъ мы много разъ говорили. Пока существующее равновѣсіе силъ республиканской и конституціонно-монархической партій не измѣнится въ очевидный перевѣсъ которой ипбудь изъ нихъ надъ другою, нынѣшнее правительство будетъ существовать. Но мы только опровергали чрезмѣрные опасенія нынѣшнихъ французскихъ министровъ, а вѣроятно, что положеніе дѣлъ во Франціи на самомъ дѣлѣ уже пошатывается, если министры прониклись такими опасеніями. Тревогоу министровъ объясняется, какъ мы говорили, шумъ, поднятый о римскомъ вопросѣ, а то, что изъ этого шума пока еще ничего не выходитъ, объясняется тѣмъ, что опасенія министровъ нѣсколько преждевременны и овладѣли только воображеніемъ, еще не успѣвъ совершенно овладѣть ихъ разсудкомъ.

Въ Сѣверной Америкѣ, какъ мы объясняли въ прошлый разъ, театръ войны постепенно стѣсняется наступленіемъ союзныхъ силъ со всѣхъ сторонъ круга. Мы говорили прошлый разъ, что рѣшительныхъ битвъ надобно будетъ ожидать тогда, когда кругъ этотъ уменьшится на столько, что арміи инсургентовъ пріобрѣтутъ выгоду концентрическаго положенія. Большая битва, произошедшая въ началѣ апрѣля на западной окраинѣ сѣверной стороны театра военныхъ дѣйствій, въ окрестностяхъ Коринноа, у мѣстечка Питтсбургъ-Ландинга, объясняется тѣмъ, что генералы, командовавшие западною арміею инсургентовъ, уже почли себя получившими выгоду такого положенія. Ихъ рѣшимости дать битву много помогла удивительная неосторожность союзнаго генерала Гранта (того самаго, корпусомъ котораго былъ взятъ фортъ Доннелсъонъ). Читатель знаетъ, что союзныя войска движутся главнымъ образомъ по долинамъ рѣкъ, чтобы удобнѣе былъ подвозъ провѣанта (сухопутныя дороги въ южныхъ штатахъ вообще плохи). Овладѣвъ теченіемъ рѣки Кумберланда (на которой лежатъ фортъ Доннелсъонъ и главный городъ штата Теннесси, Нанвилль), сѣверныя войска стали двигаться по рѣкѣ Теннесси, которая отъ своего устья до половины теченія открывала дорогу этимъ войскамъ прямо на югъ. Верхняя половина рѣки составляетъ почти прямой уголъ съ нижнею. Вдоль по верхней половинѣ ея теченія идетъ главная желѣзная дорога южныхъ штатовъ, начинающаяся на Миссиссиппи у Мемфиса и пролегающая черезъ весь

материкъ до самаго атлантическаго побережья, близь котораго проходитъ она черезъ главный городъ Виргиніи, Ричмондъ. Эта дорога служить единственнымъ путемъ сообщенія между западными и восточными штатами Юга. По западной части ея расположилась западная армія пнсургентовъ, когда была вытѣснена изъ штатовъ Кентукки и Теннесси. Защищать дорогу надобно было ей для того, чтобы не были отрѣзаны одни отъ другихъ возставшіе штаты. Центральнымъ пунктомъ пнсургентовъ была очень крѣпкая позиція при Коринѣ, лежащемъ верстахъ въ 30 отъ того мѣста, гдѣ рѣка Теннесси дѣлаетъ изгибъ и гдѣ надобно было переходить черезъ нее сѣвернымъ войскамъ, если они хотѣли подвигаться далѣе на югъ. Сѣверныя войска шли тремя большими корпусами, на разстояніи четырехъ или пяти переходовъ одинъ отъ другаго. Тѣмъ корпусомъ, который шелъ впереди другихъ, командовалъ генералъ Грантъ, имѣвшій отъ 30 до 35 тысячъ войска. Пока онъ не переходилъ съ праваго (сѣверо-восточнаго) берега рѣки Теннесси на лѣвый (югозападный), онъ былъ закрытъ рѣкою отъ непріятеля, и потому-то главнокомандующій западной союзной арміи Галлекъ допустилъ такое большое разстояніе, какъ пять переходовъ, между корпусомъ Гранта и слѣдовавшимъ за нимъ корпусомъ Бьюллі. Дошедши до мѣста, гдѣ надобно переходить на непріятельскую сторону рѣки, Грантъ зналъ, что центръ арміи пнсургентовъ находится очень близко къ этому мѣсту и что непріятель, владѣющій желѣзною дорогою, можетъ очень быстро собрать въ этомъ пунктѣ тысячъ до 100 войска. Тѣмъ не менѣе Грантъ, не останавливаясь, перешелъ черезъ рѣку, оставивъ за собою Бьюллі въ четырехъ дняхъ пути. Увидѣвъ такую опрометчивость, Борегаръ, командовавшій западною арміею пнсургентовъ, успѣшилъ собрать всѣ свои силы, чтобы опрокинуть Гранта въ рѣку. Къ счастью, онъ не могъ управиться съ своими сборами раньше трехъ сутокъ, и это поколебало военную репутацію Борегара въ глазахъ самыхъ жаркихъ его панегиристовъ. На четвертый день пнсургенты штурмовали позицію Гранта, котораго вдвое превосходили силами, и совсѣмъ было смяли его въ рѣку. Но отчаянное сопротивленіе сѣверныхъ солдатъ и огонь канонирскихъ лодокъ съ рѣки успѣли задержать непріятеля, пока на другой день битвы пришелъ на выручку Гранта Бьюллі. Тогда пнсургенты въ свою очередь потерпѣли пораженіе и возвратились на прежнюю позицію къ Коринѣ, почти не преслѣдуемые сѣверными войсками, изъ которыхъ одна часть пзнурена была двухъ-дневнымъ боемъ, а другая форсированнымъ маршемъ. Это была самая кровопролитная битва во всю нынѣшнюю войну. Потери сѣверныхъ войскъ убитыми и ранеными простиралась тысячъ до десяти, а у пнсургентовъ тысячъ до пятнадцати. Въ первый день битвы пнсургенты взяли до 4 тысячъ плѣнными, на второй день сами потеряли тысячъ восемь. Но въ то самое время, когда происходила эта кровопролитная битва, послѣ которой обѣ сражавшіяся арміи остались въ прежнихъ своихъ позиціяхъ, сѣверный генералъ Митчель съ незначительнымъ отрядомъ сдѣлалъ смѣлое движеніе, имѣвшее гораздо больше вліянія на ходъ войны. Онъ бросился на желѣзную дорогу, о которой мы говорили, въ такомъ пунктѣ, гдѣ она оставалась не защищена (въ Гентсвиллѣ, далѣе на востокъ отъ той части дороги, которую охранялъ Борегаръ); овладѣвъ этой станціей, онъ посадилъ солдатъ въ вагоны, и они захватили желѣзную дорогу на разстояніи версты полутора, между прочимъ овладѣли и тѣмъ

пунктомъ, гдѣ съ этою главною дорогою, идущею отъ Миссиссиппи на западъ, соединяется другая желѣзная дорога, идущая съ юга на сѣверо-западъ, отъ Чарльстона, во внутрь материка. Овладевъ этимъ главнымъ узломъ путей сообщенія между южною и сѣвѣрною, западною и восточною половинами южныхъ штатовъ, сѣверныя войска разорвали теперь связь между восточною и западною арміями инсургентовъ и отрѣзали юго-восточные штаты отъ обѣихъ этихъ армій. Такимъ образомъ, кругъ дѣйствія инсургентовъ раздробленъ на три куска. Очень вѣроятно, что это удачное дѣло Митчеля значительно ускоритъ развязку войны.

Всѣмъ кричавшими о невозможности побѣдить Югъ признана близость этой развязки, когда узнали въ Европѣ о занятіи Нового Орлеана сѣверными войсками. Городъ этотъ, лежащій верстахъ въ двухъ стахъ отъ моря, и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣющій всѣ выгоды приморской гавани (Миссиссиппи до самаго Нового Орлеана имѣетъ глубину, допускающую морскія суда), считался неприступнымъ со стороны моря. Верстахъ въ ста ниже его, построены по обѣимъ берегамъ рѣки два очень сильные форта, одинъ противъ другаго, такъ что огонь ихъ перекрещивается. Кромѣ того было настроено много береговыхъ баттарей, а черезъ рѣку, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, были повѣшены толстыя желѣзныя цѣпи. Очень много говорили инсургенты и о своихъ пловучихъ баттаряхъ, и о подводныхъ минахъ, такъ что европейскіе партизаны ихъ впередъ предавали посмѣянью экспедицію, отправленную съ сѣвера моремъ противъ Нового Орлеана. Но въ числѣ судовъ этой экспедиціи было нѣсколько канонирскихъ лодокъ, одѣтыхъ желѣзомъ. Поднявшись по Миссиссиппи до фортовъ, они стали между ними, два дня занимались ихъ разрушеніемъ, разрушили. Заставивъ молчать форты, они стали подниматься выше, и подъ выстрѣлами непріятельскихъ баттарей рвать перегораживавшія рѣку цѣпи. Такимъ манеромъ поднялись они до Нового Орлеана и, ставъ противъ города, послали требованіе, чтобы онъ сдался. Береговыя баттареи не могли вредить имъ, и защищать противъ нихъ городъ—значило бы только подвергать его разрушенію. Поэтому 20-тысячный гарнизонъ города удалился во внутрь страны, и торговая столица Юга, имѣющая до 150 тысячъ жителей, была покорена флотиліею изъ нѣсколькихъ (кажется, всего только изъ двухъ) лодокъ, съ нѣсколькими пушками и нѣсколькими десятками человѣкъ экипажа. Съ недѣлю ждала покорившаяся этимъ лодкамъ столица Юга, пока придутъ сѣверныя войска, чтобы занять ее. Канонирскія лодки отправились дальше вверхъ по Миссиссиппи, такъ что теперь почти все теченіе этой рѣки находится во власти сѣвернаго правительства. Взятіе Нового Орлеана наноситъ Югу почти такой же ударъ, какой наносила бы Англіи взятіе Ливерпуля. А потерять Миссиссиппи для него то же самое, что было бы для Австрійской имперіи занятіе всей долины Дуная непріятельскими силами.

На сѣверовосточной части театра войны произошло нѣчто подобное паденію Нового Орлеана на югозападѣ. Послѣ того какъ генераль Макъ-Клелланъ, по оплошности или предательству, далъ инсургентамъ спокойно отступитъ съ Потомака на Раппаганнокъ, инсургенты успѣли устроить себѣ очень сильный укрѣпленный лагерь на этой рѣкѣ у города Йорктона. Европейскіе партизаны южныхъ штатовъ провозгласили эту позицію неприступною и предрекали, что

сѣверная армія будетъ счастлива, если только будетъ до безконечности удерживася Йорктонскими укрѣпленіями, а что по всей вѣроятности она будетъ истреблена подъ ними. Были печатаемы отзывы европейскихъ офицеровъ, увѣрявшихъ, что взять Йорктонъ труднѣе Севастополя. Были уже извѣстія о томъ, что сѣверная армія разбита подъ ними. Но послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ схватокъ писургенты отступили изъ своей непобѣдимой позиціи; сѣверная армія, преслѣдуя ихъ, смяла ихъ аррьергардъ и теперь идетъ къ Ричмонду.

Повидимому, война почти кончена. Такъ говорятъ теперь Times и его нью-йоркскій корреспондентъ, съ голоса которыхъ твердилось въ Европѣ, что война никогда не кончится. Но у писургентовъ еще остаются двѣ арміи, каждая силою до 150 тысячъ человѣкъ. Трудно полагать, чтобы они не сдѣлали попытокъ повернуть ходъ войны отчаянными битвами. Повернуть его они не могутъ: перевѣсъ силъ Сѣвера слишкомъ очевиденъ; но нѣтъ ничего невозможнаго, что они пріобрѣтутъ два три успѣха, какъ едва не пріобрѣли побѣды подъ Корпноомъ; только можно знать, что никакіе частные выпрыски не спасутъ теперь Югъ отъ необходимости смириться, и онъ будетъ побѣжденъ, если тайные партизаны плантаторовъ въ Нью-Йоркѣ и Вашингтонѣ не успѣютъ склонить сѣвернаго правительства къ уступкамъ, которыя теперь уже были бы очевидною ошибкою.